

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

18+

Дюрнберг

На веки вечные

On commissions
Captain Lynnwood M. Johnson, Jr., officer in charge of the district has
concerning applicants for regular army
commissions.

"Seventy thousand (70,000)
applicants for Regular Army

Братья Швальнеры
Нюрнберг. На веки вечные

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Швальнеры Б.

Нюрнберг. На веки вечные / Б. Швальнеры — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Нюрнберг, осень 1945 года. К старту готовится крупнейший за всю историю человечества главный судебный процесс над военными преступниками – главарями Третьего рейха. Однако, не все союзники едины в мысли о том, что лидеры нацистской Германии - их вчерашние друзья и партнеры – должны предстать перед судом. Кое-кому невыгодно афишировать свои игры с Гитлером и его приспешниками за спиной у союзников в годы Второй мировой. Но кто они? Началу процесса предшествует колоссальная по своим масштабам шпионская игра, унесшая не одну жизнь и в любую минуту грозящая обернуться гибелью целого города! Тайная сила в закулисье то и дело не дает свершиться справедливости. И в борьбе с ней важно одно: не допустить, чтобы главари гитлеровской клики превратились в мучеников!.. Сможет ли борец за справедливость добиться этого? Кто был противником процесса – США или СССР? И, наконец, кто тот человек, имени которого мы обязаны торжеству правосудия в маленьком Нюрнберге в далеком 1946 году?

© Швальнеры Б., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог, или Предварительное слушание	6
Часть первая, или Подготовка к разбирательству. «Бойцы невидимого фронта»	14
1. Встреча за Эльбой	14
2. Первая кровь	25
3. Персоны грата	32
4. Персоны нон- грата	41
5. Рокировка	51
6. ...на западном направлении	56
Часть вторая, или Судебное следствие. «Мне отмщение, и Аз воздам...»	65
7. Начнем с конца	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Светлой памяти Василя Владимировича Быкова (1924- 2003), обоснованно полагавшего, что борьба с нацизмом может осуществляться только при помощи правды

И я говорю вам: где бы вы ни увидели людей, коими правит тайна, в этой тайне заключено зло. Если дьявол внушает, что нечто слишком ужасно для глаза, – взгляните. Если он говорит, что нечто слишком страшно для слуха, – выслушайте. И если вам померещится, что некая истина невыносима, – вынесите ее.

Г.К. Честертон

Пролог, или Предварительное слушание

20 августа 1945 года, Бельзен, американская оккупационная зона в Германии

Августовское солнце светило как никогда жарко, а вкупе с теплым ветром превращало когда-то благодатные германские поля и равнины в подобие пустыни. Светило так упорствовало в своем стремлении прогреть уставшую от зимы землю, что, казалось, норовит выжечь священным пламенем всю мерзость, нанесенную ей затяжной войной. Головы грелись при такой температуре не меньше, что давало повод надеяться: война сотрется с земли и из человеческой памяти, как сгорает все под палящими лучами этого солнца. «Виллис» летел по проселочной дороге с бешеной скоростью, взрывая клубы пыли и тут уже утопая в них по самую раму. В сопровождении трех американских солдат в машине на переднем сидении, возле водительского, сидел человек в некогда красивом костюме, превратившемся после двухчасовой прогулки по американской оккупационной зоне в запыленную хламиду. В зубах он сжимал неизменную трубку, а на носу посверкивали на беспокойном солнце линзы запачкавшихся очков. В этом уставшем субъекте трудно было узнать заместителя директора Управления стратегических служб США Аллена Уэлша Даллеса.

Он ехал в маленький городок Бельзен, где недавно располагался один из крупнейших немецких концлагерей и где теперь готовился суд над охранниками этого лагеря. Ехал не просто так – процесс должен был стать первым в череде показательных судов над нацистскими преступниками, нарушавшими все нормы морали и международного права внутри жуткой пениitenciарной системы рейха. И при подготовке к нему возник целый ряд проблем, о которых Даллесу сообщила местная оккупационная администрация, принявшая территорию и пленных из рук изначально захвативших лагерь англичан. Проблемы были очень тонкие, щепетильные, решить которые мог только такой дипломат и правовед как Даллес. Главная из них сводилась к, мягко говоря, кривой доказательственной базе в рамках готовящегося процесса, поправить которую было уже нельзя – международные конвенции запрещали корректировку доказательств после предъявления окончательного обвинения. А его уже предъявили. Так случилось, что Даллес не имел доступа к этому делу до получения донесения. Получив же его, узнал, что охранников лагеря будут судить в нарушение соглашения о прекращении огня, в силу коего они считались военнопленными. За что же судить солдат?

Кроме того, обыск не проводился ни у одного из охранников концлагеря из отрядов СС, которые покинули лагерь после прекращения огня. Теперь же делать это было поздно. Некоторые свидетели противоречили сами себе во время перекрестного допроса, некоторые не могли опознать ответчиков как виновников рассматриваемых преступлений. Один из бывших заключенных, Оскар Шмиц, оказался ошибочно обвиненным в качестве эсэсовца и чудом избежал предъявления обвинения!

Все эти неудобные моменты предстояло урегулировать Даллесу, которому с начала войны правительство поручало самую тонкую и ответственную работу на наиболее проблемных участках. Для этого он, в сопровождении группы солдат, приблизился на военном «Виллисе» к воротам бывшего лагеря Берген-Бельзен, где содержались арестованные эсэсовцы и где еще вчера они совершали свои преступления.

... Ворота лагеря открылись. Ничего необычного на первый взгляд – такие постройки он видел еще во времена учебы в военном училище, куда его пристроил дед по материнской линии, генерал Джон Фостер, бывший участник Гражданской войны. Несколько длинных барачных казарменного типа стоят друг против друга, разделены плацами и какими-то хозяйствен-

ными постройками, местами виднеются рельсы для прохода вагонеток. Обычный военный лагерь, если бы не неуловимое, но гнетущее ощущение тяжести в самом воздухе. Нет, он не спертый и ничем не пахнет, даже свежее, чем где бы то ни было. Но что-то в нем как будто сдавливало виски Даллеса.

Он стал присматриваться, напрягая смотрящие сквозь очки глаза и все время пытаюсь уловить это незримое нечто, которое не давало ему покоя. Он отлично понимал, где находится, и то, что атмосфера таких мест сама по себе неприятна, но не был суеверным человеком. Давило его что-то вполне определенное, пусть даже и сопряженное с назначением лагеря смерти. Наконец, его зоркий глаз поймал эту деталь – это был беспорядок. Нельзя было, конечно, сказать, чтоб на лагерь обрушилась бомба или он подвергся разорению, но тут и там были следы раздвоя, которые выдавали истинное предназначение этого места и не позволяли спутать его ни с чем другим. Вот – чьи-то раздавленные очки, там – кусок тряпки, испачканной чем-то багровым, тут – ботинок с лагерным номером и аббревиатурой, здесь – несколько пустых пулевых гильз. Конечно, несколько недель назад, когда лагерь занимался английскими войсками, царили тут полные разброд и шатание – немцы в спешке жгли документы, уничтожали материальные ценности, ломали постройки и сооружения, – и потому бардак был бы обычным явлением, если бы не его специфический характер... Подойдя к стене одной из сохранившихся добротных кирпичных построек, Даллес заметил, что она черна как уголь, а из нее выходит и смотрит прямо ему в лицо толстая и широкая труба. Под ней видна разметанная ветром, но все еще осязаемая куча пепла. Он принюхался – обоняние всегда было его коньком, еще с детства. Запах был специфический – такой запах он часто ощущал, когда готовил барбекю. Так пахнет политый жидкостью для розжига уголь, когда на него попадают капли сала с обжариваемых стейков.

Да, несомненно. Это был не простой бардак. Это был элемент смерти – страшной, мучительной, изуверской, на которую гитлеровцы обрекали «всех, сюда входящих». И те несколько недель, что лагерь находился под наблюдением оккупационной администрации, не смогли окончательно выветрить этот дух и следы присутствия подручных сатаны. Кажется, и годы не смогут.

– А где тела? – поинтересовался Даллес у коменданта опустевшего лагеря, майора МакКинли.

– А зачем они вам?

– Странный вопрос. Вы думаете проводить судебный процесс по делу об охранниках лагеря, обвиняете их в бессудных казнях, в геноциде, и не имеете ни одного вещественного доказательства. Сразу видно, что вы не юрист...

– Это ни к чему, сэр. Лагерь мы занимали практически без боя – они сдали его в конце апреля, когда война еще шла, по договоренности с англичанами. Надеялись выторговать себе привилегии в будущем, и поэтому основную часть документов отдали добровольно. А в этих документах сведений о массовых сожжениях, отравлениях и химических опытах – хоть отбавляй. Не отопрутся. Да и потом – не оставлять же нам было тела до приезда специальных уполномоченных комиссий. Мои ребята – не криминалисты и не врачи, толком осмотреть все равно бы не смогли, а до назначения и прибытия специалистов от них бы все равно остался один прах...

– ...и вы решили?

– Захоронить, разумеется, сэр. Мы же не варвары. Приказ об этом дали оставшемуся здесь персоналу, да они и не сопротивлялись особо. За день всех зарыли. Хотя скелетов тут в день нашего прибытия была целая гора, – майор обвел руками линию горизонта.

– Скажите, как вы думаете...

– Да, сэр?

– Вы правильно сказали, что лагерь немцы сдали добровольно, по договоренности с англичанами, – размышлял вслух Даллес. – Что персоналу обещали англичане? Привилегии. Жизнь, во всяком случае. Потом наши войска присоединились к англичанам, и начались аресты персонала. Теперь над ним готовится суд. Вам это не кажется странным?

– Что мы будем судить убийц? Нет, сэр, – пожал плечами майор.

– Нет, в данном случае не то, что мы будем судить убийц, а то, что мы будем судить хозяйственный персонал лагеря не только в нарушение данных им нашими союзниками обещаний, но и в нарушение конвенции, которая провозглашает его условно не подлежащим суду? – уточнил Даллес.

– Я вас не понимаю, сэр.

– Ну представьте, к примеру, что войну выиграла бы не мы. Тогда и вас, и всю нашу хозобслужу, включая аппарат лагерей для военнопленных, тоже следовало бы вздернуть на виселице? Просто потому, что они изначально поставили не на ту лошадку?

Мак-Кинли натянуто улыбнулся.

– Вы не знаете, о ком говорите, сэр. Это не люди, это звери. Поговорите с жертвами и свидетелями их зверств, да с ними самими, в конце концов – и вы убедитесь в этом.

– Что ж, именно для этого я сюда и приехал. Но давайте все же начнем с документов...

Несколько дней Даллес изучал статистическую отчетность лагеря, незатейливо переданную персоналом Берген-Бельзена сначала англичанам, а потом американцам. Эти несколько дней станут самыми страшными в его судьбе – он не сможет толком ни есть, ни спать... Нет, раньше он слышал о печах, в которых горели десятки живых, и о душегубках, в которых сотни людей ежедневно травились специально для убийств произведенными химическими газами. Все-таки он был разведчиком, и сведения о зверствах и бесчинствах СС в концлагерях всю войну ложились ему на стол секретными агентурными донесениями шпионов. Но так близко весь этот ужас, описанный сухим канцелярским языком – как повседневность, обыденность, жизненный порядок – стал к Даллесу впервые. Контрольным выстрелом в разгоряченную голову его стала беседа с одним из свидетелей на грядущем процессе, бывшим узником. Он не запомнил его имени – память его бессознательно включила рефлекторное охранительное торможение, чтобы не запоминать того, что могло бы испортить настроение, самочувствие или аппетит. Но сути беседы забыть он не сможет никогда...

– Впечатления? Вы спрашиваете о впечатлениях? – ухмыльнулся вопросу американца этот несчастный. – Самое яркое – это вечер. Когда целый день ты не просто созерцал смерть, а вдыхал ее всеми порами своей кожи, проходил мимо нее, здоровался с ней за руку и вытягивался по стойке «смирно» при ее приближении. Когда вонь трупов проникала в одежду и волосы, зычным голосом безысходности возвещая тебе о скором и неизбежном приходе конца. Когда гарь крематориев едкой дымкой витала в воздухе и напоминала даже не о преходящем, а о каком-то смешном, коротком и легко прерываемом моменте существования белкового тела, по ошибке именуемом жизнью... Так вот, после всего этого вечер кажется Божьей благодатью. Вечером уже точно ничего не случится – никто не придет, не подаст команду отправляться в газовую камеру или в крематорий, не направит многозначительно в распределитель. Как будто посреди повсеместного ада в раю вдруг объявляется день открытых дверей. Кажется такой вечер иногда вечностью – хватаешь воздух ртом и ноздрями, и не чувствуешь в нем уже ни копоти крематориев, ни вони трупных складов, ни омерзительного сероводорода. Совсем другой воздух вечером. В нем уже нет того жуткого духа смерти, что – если приглядеться – тут витал повсюду. Вечером и не приглядишься – темно. Прожил этот день, заканчиваешь его живым, когда тот, кто вчера ел с тобой из одной тарелки превратился в вонючую горстку пепла – вот и счастье. Вот и впечатление.

– А как же массовые убийства, которые вы видели? Они вам не запомнились? – вскинул бровь Даллес.

– Нет. Они были обыденностью. Их я видел каждый день, а день несравнимо длиннее ночи. Впечатления от темного времени суток потому, наверное, ярче, что длятся меньше по времени. То, что является рутинной, никогда не остается в памяти. Оно наносит след, травмирует вашу душу, делает вас таким, каким прежде вы никогда не были и уничтожает вас прежде, но так, чтобы оно запомнилось – это нет. Человеческий ум устроен так дьявольски тонко, что запоминать старается хорошее – хорошими для меня и для всех, как я уже сказал, были вечера, – и то, что возвеличивает самого человека, обращает внимание его и окружающих на его подвиг.

– Подвиг?

– Да, именно подвиг. Ведь выжить в этой обстановке кровавого... нет, не кровавого. Пожалуй, крови- то я тут и не видел, убивали здесь всегда как- то по- особенному, без крови... в обстановке смертельного хаоса- это и есть подвиг. Неважно при этом, «настучал» ты на кого- то, подставил кого- то под эсэсовские пули, стал ли виновником чьей- то гибели – главное, что выжил сам. Для каждого человека спасение собственной жизни в сложной ситуации – есть развязка судьбы, конечная цель. И потому этот каждодневный подвиг, о совершении которого можно было судить только под вечер, думаю, запомнится каждому...

– Но забыть все, что видели здесь, я думаю, все же вы не сможете?..

– Забыть?! – удивился вчерашний узник. – Забыть можно некий импринт – событие, ситуацию или человека, который по касательной прошел по твоей судьбе и исчез. Это категория воспоминаний. А то, что мы здесь видели, участниками чего были, никогда не подпадет под понятие воспоминаний. Это теперь наша действительность, высеченная на сердце и смертельно опасной, ядовитой инфекцией засевавшая в жилах. Это – правила жизни. Это – сама жизнь. Да, больше не будет в ней надзирателей и капо, не будет печей и душегубок, не будет собак и плеток. Но останутся законы выживания, неисполнение которых вечно теперь будет ассоциироваться со всем вышеперечисленным. При любой стрессовой ситуации каждый теперь ринется спасать свою жизнь, будучи уже подготовленным суровыми испытаниями Берген- Бельзена. Каждый готов будет перегрызть глотку товарищу, исполнить чудовищный приказ гегемона, впасть в состояние смертельного оцепенения по первому окрику. Концлагерь навсегда всех сломал. И не верьте тем, кто говорит обратное – возможно, он врет, а возможно, просто не понимает, что с ним произошло. Но оно произошло...

– А перегрызть глотку охраннику, к примеру, у вас не возникнет желания?

– Глупо. Его и здесь не возникало. Здесь ведь не только убивали физически – сначала убивали духовно. Убивали созерцанием всего того, о чем я говорил, и что вы сами здесь видели. Сначала надо убить человека духовно, а это процесс чуть более длительный, чем смертная казнь. И только убив духовно и придя к выводу о полной твоей ненужности, убивали уже физически. А проверить готовность было просто. Если ты еще пытался первое время как- то защищать свои права, на что- то претендовал, спорил с охраной, то несколько месяцев пребывания здесь, в обществе дрожащего от страха, приговоренного уже, но с отсрочкой, скота, убивали в тебе эти последние остатки человеческого. Я своими глазами видел, что творило насаждаемое здесь чувство обреченности, что оно делало с людьми – четверо эсэсовцев вели на смерть сотню, и она молчала. Молчала, когда пихали их в камеру, молчала, когда лицезрела смерть товарищей и готовилась к своей собственной. Каждая особь – это были уже не люди – молчала. Нет, они кричали, конечно. Когда боль от ожогов в печи становилась невыносимой. Но это продолжалось недолго. Куда дольше кричит человек, которому страшно. Здесь страха не было.

– Совсем не было? Но...

– Я неверно выразился, – поправился собеседник. – Страшно здесь было не то, что тебя убьют. Страшно то, что мотив убийства может быть самый пустяковый, а может его и не быть совсем. Никакими выслуживаниями перед эсэсовцами капо и травники не могли себе заработать гарантий долгой жизни. Ты мог выдохнуться, и тебя решали убить просто за позволенную

самому себе минуту отдыха тогда, когда организм попросту отказывался дальше выполнять тяжелую работу. Из рейха могла поступить разнарядка на биоматериал для производства мыла, и тебя убивали просто в целях выполнения плана. Могли ограничить объем продовольствия, – и тогда ты лишался жизни просто по принципу случайной выборки. Здесь убийство не было убийством. Как я уже сказал, оно было повседневностью, статистикой, безликой и бесстрастной – и оттого было еще более ужасным. Человек приходит в мир с болью, уходит с болью, а здесь этот закон природы нарушался. Боли не было. То есть была физическая, но не было духовной – а она тоже обязательна. Убитый морально человек отправлялся на смерть по приказу, ничего уже не соображая и не имея возможности произнести даже последнее слово. И никакой надежды у него не было... И только она могла дать надежду... Красивая девушка всем своим видом резонирует со смертью. Да еще ее атрибутика... Всегда безупречная, выглаженная форма, запах духов, начищенные до блеска сапоги, даже плетка с инкрустацией драгоценными камнями... Все это тянуло – не могло не тянуть к ней...

– Какую же надежду она могла вам дать?

– Она давала шанс выжить. Самых красивых из нас – хотя, какую красоту можно разглядеть в измученных узниках концлагеря? – она выбирала в качестве друзей. Играла с нами как с игрушками, как с живыми куклами. Ей же было немногим более 20-ти, в сущности, совсем ребенок. Недаром ее звали здесь «Светловолосый дьявол», «Ангел смерти», «Прекрасное чудовище». И, хоть никому не понравилось бы быть куклой пусть даже понарошку и совсем ненадолго, а все же от ребенка можно получить ту долю света и радости, которая может спасти в этом Дантовом аду. Надолго ли хватит ее, доли этой? А ровно настолько, на сколько хватит интереса ребенка к тебе как к игрушке. Как правило, время это непродолжительно.

– И что потом случится с этой игрушкой?

– А все, что угодно. Что же до Ирмы, то она могла затравить собаками, застрелить шутя, просто отработывая навыки пользования пистолетом, приказать человеку повеситься на ее глазах – и он вешался. Не говоря уж о стандартных способах типа газовой камеры или крематория. А она отправлялась играть с другими, новыми куклами – для всякого ребенка соблазн невероятно велик, если он находится в большом магазине, где такого товара много. И всякий раз выдумывала новую игру... – Собеседник Даллеса поежился, как будто холодком прохватило его кожу в этом теплом помещении в конце лета. Разведчик понял, что воспоминания об этих играх будут еще более жуткими, чем воспоминания о днях в лагере. – Как у любой девочки-переростка, любимыми ее развлечениями были сексуальные. Причем, самые откровенные – даже такие, которые могли раздавить человека, унижить его, лишить самоуважения и вообще представления о себе как о воодушевленном и разумном существе. И во всем, включая самые неистовые дикости, ей надо было подчиняться. Иначе интерес к тебе быстро проходил. А этот самый интерес и был для нас надеждой – пока ты интересен, тебя не пригласят в душегубку и не поставят к стенке потому только, что на сегодня надо выполнить план по расстрелам. Ее тут все слушались, ей потакали. И те, кто любил жизнь, пользовались ее недолгим расположением, чтобы надышаться перед смертью, как писал этот русский писатель со странной фамилией...

А уже несколько минут спустя в соседнем помещении Даллес беседовал с той самой избалованной девочкой, которая служила здесь надзирателем и творила с людьми вещи, при описании которых император Нерон поднялся бы из гроба и зарукоплескал. Ей действительно было немногим более 20-ти. Звали ее Ирма Грезе. Неопрятность, ставшая печальным следствием ареста, немного смазывала впечатление, но, присмотревшись, можно было увидеть, что красавицей она действительно была просто писаной – белокурые волосы, правильные черты лица, белая кожа, модельная стройность и кукольные глаза. Немного неживые, прохладные, пустые. Но очень красивые. Помимо служебных обязанностей, она была любовницей коменданта лагеря, и потому имела над заключенными поистине неограниченную власть. И использовала ее действительно как избалованное дитя, *enfant terrible*, – глупо, вероломно и чудо-

вишно. Теперь ей предстояло понести за это ответственность, но, кажется, для нее это было чем-то сродни откровения или геометрии Лобачевского для неандертальца.

– Это ваше? – спросил ее Даллес, указывая на ту самую пресловутую плетку с инкрустацией сияющих полудрагоценных камушков на рукоятке.

– Да, – спокойно ответила она. – Разве запрещено держать при себе такие вещи человеку, который вчера был надзирателем лагеря?

– Наверное, нет. Но это украшение...

– Я же женщина.

– И потому вы считали себя вправе применять эти игрушки для ваших садистских игр?

В ответ она по-детски наивно хохотнула, прикрыв рот рукой.

– Думаете, это смешно? – взгляделся в нее Даллес.

– Я думаю, что в моих забавах они принимали участие добровольно, – вмиг посерьезнев, отчеканила Грезе. – Во всяком случае, многих из них только развлечения со мной и спасли от неминуемой и скорой гибели. Согласитесь, лучше уж поиграть и вдобавок совместить приятное с полезным, удовлетворив мои и свои естественные надобности, чем жариться в печи крематория?

– К слову о печах. Вам кажется такой способ казни гуманным?

– Какая разница, как казнить?! – вдруг пришла в ярость Грезе. – Они были приговорены, обречены, отправлены сюда умирать, и отправлены не по нашей вине. Так о какой гуманности с нами вы вдруг решили здесь говорить?! Кажется ли вам самому гуманным, что нас, военнопленных, здесь содержат как гнуснейших преступников?! Когда еще вчера британские власти обещали нам сохранение жизни и всех гарантий, какие полагаются по международному праву...

– Никто не может никого судить за исполнение приказа. Но это – в отношении солдат на фронте, – отрезал американец. – Вы ведь могли и отказаться. Понимали же, осознавали всю чудовищность происходящего здесь...

– Это вопрос риторики и ответ на него зависит от конкретных обстоятельств. Вы сами, к примеру, часто отказывались выполнять поступавшие вам приказы?

– А причем тут я?

– При том, что сами завтра можете оказаться на моем месте.

– Я, в отличие от вас, не замарал себя службой в концлагерях и пытками, сравнимыми разве что с опытами Торквемады. Да будет вам известно, именно я сделал многое для того, чтобы ваша страна вышла из войны с меньшими, чем должно было быть, потерями; старался сгладить острые углы перед союзниками. И что я увидел?

– Вы, должно быть, старались для других – для тех, кого надо посадить на наше место... – философски процедила девушка.

– О ком вы говорите? Вы, должно быть, не понимаете...

Она не дала ему договорить, вскрикнув:

– Да, я правда не понимаю, за что меня здесь судят! То, что вы называете зверствами, было не более, чем нашей обязанностью. Нам давали приказы, мы их исполняли. Это касалось и медицинских опытов, и способов уничтожения, и наказаний за нарушения режима со стороны заключенных. Никакой нашей самодеятельности в этом не было – посмотрите статистику других лагерей. Чем же мы виноваты? Если бы мы чувствовали за собой какую-то вину, то ушли бы с теми немногими, кто переоделся в гражданскую одежду и удрал как крысы в первые же дни после передачи лагеря англичанам...

Она была права – англичане не сразу арестовали персонал лагеря, который, согласно акту о свободном выводе войск (приложению к соглашению о прекращении огня), считался хозяйственным персоналом и по мере передачи дел переходил в распоряжение британцев в ста-

туса военнопленных. Пользуясь этим, многие сбежали, переодевшись в гражданское. Ирма же, комендант Крамер, Кляйн, Хесснер и другие остались, уверовав в свою безнаказанность. Даллес и сам поначалу придерживался этой точки зрения, но беседа с узником и те фрагментарные картины, что явились здесь его взору и теперь, вкупе с изученными документами, составили ужасающее представление о лагерных порядках, заставили ее изменить. Перед его мысленным взором проносились картины мирного передвижения по лагерю отрядов заключенных в то время, как из труб крематориев валил дым, а крики тех, кто этот дым создавал, заглушались транслируемыми по лагерному радио бравурными гитлеровскими маршами. Его душу словно льдом сковало... Когда он пришел в себя, Грезе все бормотала с пеной у рта:

– За что?! Почему мы?! Почему не судят Гимmlера, Геринга, Бормана?! Почему не отвечают те, кто давал приказы?!

От этих слов Даллесу стало еще хуже. Он вспомнил, как в последние месяцы войны встречался в Берне, в своей резидентуре с генералом СС Карлом Вольфом. Холеный, одетый в красивый костюм ручной работы, приезжал он в Швейцарию по поручению Гимmlера выторговывать привилегии себе и шефу после капитуляции группировки войск Кессельринга в Северной Италии. Ни один мускул не изменял своего местоположения на его лице, когда он потягивал кофе из маленькой чашечки и говорил о концлагерях – тогда он сожалел, что огромные по площади и производственной эффективности хозяйственные постройки на их территориях придется передать союзникам или уничтожить. Сожалел, что не принесут они больше пользы рейху. Сожалел, что не удастся ему занять пост министра внутренних дел вместо Гимmlера... А сейчас Гимmlер бездыханный лежал в морге в Лидице – он разгрыз ампулу с ядом после пленения британцами. Борман исчез, а Вольф содержался в лагере для военнопленных, и, по всей видимости, судьба его и прочей верхушки рейха рисовалась более завидной, чем судьба этой несчастной безумицы, которую со дня на день ждала виселица...

Несправедливость – вот как это можно было назвать. Но не по отношению к обезумевшим зверям, которым позволили по своему усмотрению распоряжаться судьбами людей, вручили часть функций Бога, дали право казнить и миловать. Не по отношению к Грезе и ее подельникам. Несправедливо это было по отношению к памяти тех, кто на веки вечные был погребен под толстым слоем земли Берген-Бельзена и десятков таких концлагерей по всему миру!..

30 августа 1945 года, США, Вашингтон, округ Колумбия

Начальника Управления стратегических служб при Комитете генеральных штабов Уильяма Донована за глаза звали «Дикий Билл». Такое прозвище ему обеспечили его резкость, крутой нрав, напор и настойчивость, которыми он был знаменит в самых высоких кабинетах сильного мира сего на протяжении последних 30 лет. В Гражданскую, в России он был советником адмирала Колчака. Вернувшись в США, стал одним из самых известных адвокатов на Уолл-стрит – среди его клиентов был сам Черчилль. А в 42-ом он возглавил секретную разведслужбу, единственную в своем роде, созданную Рузвельтом по его же инициативе – УСС. В заместители он избрал родовитого политика и юриста Даллеса, который был одинаково хорош в вопросах разведки и дипломатии, умел лавировать между рифами внешней и внутренней политики и никогда не сделал бы ничего, что претило бы интересам государства. Принципиальность одного и «медный лоб» другого были вкупе гремучей смесью, способной растворить сталь Сталина! Сегодня же Донован предстал для своего заместителя в неожиданном свете...

– Думаю, мы не должны при проведении процесса обращать внимание на те казуистические пробелы в доказывании, о которых донесла оккупационная администрация. Сути дела это не меняет – эти люди должны быть осуждены самым суровым и решительным образом, и вы, как мне кажется, должны ориентировать на это наших военных судей, отправляющихся в

Бельзен, – войдя в кабинет начальника спустя несколько дней после возвращения из Германии, отрезал Даллес.

Донован в ответ всплеснул руками.

– Что ты говоришь? Закрывать глаза на такие нарушения? Это недопустимо!

– Но вина их настолько чудовищна, что представляется не требующей доказательств, а тем более настолько формализованных... Я уверяю вас в этом, сэр, как очевидец... Почему мы должны с ними цацкаться?

– Именно поэтому. Потому, что преступления этих, с позволения сказать, людей требуют обязательного и сурового возмездия, во избежание повторения того ужаса, в который оказалась повергнута целая планета на протяжении 12 лет!

Даллес поморщился – с юности не любил он высокопарных слов. И тем меньше в них верилось, чем дальше был его собеседник от эпицентра боевых действий в ходе войны – в ту пору, когда сам Даллес находился практически на расстоянии вытянутой руки от него...

– Разве не суровость и неотвратимость наказания здесь являются определяющими факторами? – посмотрел он внимательно на своего шефа.

– Нет. Ошибаешься. Всякое наказание соответствует по тяжести степени преступления и всякое наказание неотвратимо – опыт человечества учит, что, в конечном итоге, это так. Рано или поздно – а чем позднее, тем суровее, – настигнет стрела возмездия свою жертву. Но кто ее выпустит и из какого орудия – вот вопрос...

– По- моему, слишком много философии из уст победителя, которого, как известно, не судят. Нет?

Донован тяжело вздохнул и посмотрел на подчиненного:

– К сожалению, нет. Орудие, из которого выпущена эта стрела, может стать орудием массового уничтожения. Стрела – общепасным оружием. А справедливость, не подкрепленная должным образом фактами, доказательствами и основаниями применения – прикрытием для нечистых на руку вершителей правосудия. Ты ведь закончил юридический колледж... Как же «peret mundus, un fiat Justitia»? Юстиция – то есть право, закон, а не суровость и возмездие. Да и возмездие перестает быть таковым, если судим за одно, подразумеваем за другое, а вменяем третье. Как отграничить расправу от правосудия, если на скамье преступник? Ведь это сегодня, при дневном свете он кажется таким. А завтра, при вечернем, будет казаться совсем другим. И тогда та суровость, что была продиктована по отношению к нему велением времени, будет приравнена к кровожадности. И тогда те, кто на веки вечные должен остаться в памяти человечества извергом и врагом всего живого, на веки вечные останется мучеником...

– В этом есть логика, но я не понимаю, зачем мы так долго говорим об уже свершившемся факте.

– Но приговор- то еще не вынесен!

– Да, но ведь вы тоже закончили факультет права, сэр. Вмешиваться в осуществление правосудия на данном этапе мы, даже силой данной нам власти, не можем!

– В этот процесс и на этой стадии да. Но в другой...

– Какой другой?

– Думаешь, я на прогулку отправлял тебя в Бельзен?

– Я так не думаю, но...

– Правильно делаешь. Скоро тебе предстоит работа над ошибками, мой мальчик. Очень скоро.

Часть первая, или Подготовка к разбирательству. «Бойцы невидимого фронта»

1. Встреча за Эльбой

15 сентября 1945 года, США, Вашингтон, кабинет начальника УСС Уильяма Донована

– Это было только начало. Теперь мы должны перейти к активному старту процесса другого – процесса, который должен будет проходить в Нюрнберге, месте, где некогда зародился нацизм, и где сейчас он должен будет умереть...

Даллес удивленно посмотрел на шефа. Ему было известно, что союзниками давно разработан и утвержден Устав Международного военного трибунала для суда над бывшими верховными наци, но до сегодняшнего дня он не верил в реальность публичного осуждения последних. Ведь дотоле мир не знал, чтобы судили лидеров страны, проигравшей в войне, те, кто эту войну выиграл. Мир не видел подсудимых такого ранга на «черных скамьях». Мир не имел и соответствующих правовых норм, которые служили бы в данном случае материальным законом, чье нарушение должно быть сурово наказано. Никому ведь не пришло в голову осудить Наполеона или Мюрата. Скорее, думал Даллес, Устав Трибунала и плен нацистских бонз должны были послужить толчком к отобранию и переделу того, что находилось в их личной собственности и собственности рейха и было заработано за годы войны – а это были баснословные состояния, разбросанные по всему миру, которых вполне хватило бы, чтобы на территории оккупированной Германии отстроить вторую Америку!..

– Разве этот процесс когда-нибудь..?

– И раньше, чем ты думаешь. Я беседовал с Президентом – он категорически требует как можно скорее начать работу оргкомитета из судей и прокуроров, причем, представленных каждой из стран- союзниц...

Даллес многозначительно хмыкнул и затянулся трубкой.

– Что, не веришь?

– Скажем так – не представляю себе картины этого суда.

– И все же попробуй это сделать, потому что именно тебе предстоит принимать в его подготовке самое активное участие!

– Мне? А я- то причем? Я – разведчик, а не юрист. Нет, у меня есть профильное образование, но его явно недостаточно, чтобы представлять интересы страны в столь высоком судебном органе...

– Ты как разведчик там и нужен. Дело в том, что есть одна страна, которая будет очень сильно сопротивляться проведению процесса.

– Германия? Но она лежит в руинах...

– Нет. Это русские, я о них говорю, – отрезал Донован.

– Интересно, почему? Они же сами принимали активное участие в разработке Устава Трибунала...

– Активное участие можно проявлять по- разному. Можно инициировать тот или иной политический процесс, а можно просто быстро стенографировать, когда кто- то другой взял бразды правления в свои руки и начал резво отдавать приказы.

– Думаете, русские просто подчинились нашей инициативе и сделали хорошую мину при плохой игре?

– Именно.

– Но почему? Зачем им такая позиция? Им- то чем так претит идея гласного и справедливого разбирательства? – недоумевал Даллес.

– Думаю, истинные причины такого поведения нам еще предстоит узнать, – протянул хозяин кабинета, вглядываясь в висящий на стене портрет покойного Рузвельта. – А из того, что на поверхности – только весьма странная дружба Сталина и Гитлера накануне войны... Хотя, всмотреться в ситуацию следует глубже. После Первой мировой Германия оказалась в международной изоляции, как и Россия, которая порвала с Антантой из- за большевиков. Таким образом, вчерашние союзники стали заклятыми врагами, и наоборот – у Германии и России просто не было другого способа выжить, кроме как пойти на взаимное сближение, что они и сделали в Рапалло в 1922 году. Потом было десятилетие обмена военным опытом, взаимной торговли, вежливых реверансов в адрес друг друга и вообще режима наибольшего совместного благоприятствования. Приход к власти Гитлера, конечно, многое изменил. Его резкие правые взгляды шли вразрез с коммунистической идеологией русских, и потому раскланиваться перед ним не шло политическому образу Сталина в глазах товарищей по партии. Наметилось охлаждение в отношениях – чего стоит хотя бы публичная массовая казнь Сталиным косоного десятка русских военачальников, проходивших обучение у их германских коллег в канун войны. Однако, перед самой войной, когда Гитлер начинает показывать звериный оскал всему мировому сообществу, присоединяя куски других государств, взаимная любовь вновь вспыхивает между руководителями двумя государствами- гегемонами: при помощи друг друга они начинают невиданную по масштабам аннексию своих соседей со всех четырех сторон...

– Вы имеете в виду пакт Молотова- Риббентропа?

– Не только. Этот пакт всем известен. А сколько тайных протоколов и соглашений еще подписано? О которых мы пока не знаем...

– Вы полагаете...

– Я полагаю, что без поддержки в Восточной Европе Гитлер никогда бы не решился пойти в открытое наступление, – заключил Донован. – И поддержка эта должна была быть достаточно сильной. Достаточно, чтобы обеспечить ему пути отхода. И он нашел ее в лице Сталина...

– И только поэтому Союз не хочет процесса? Потому что боится, что вскроется и документально подтвердится то, что и так понятно даже койоту? Не слишком ли пустяковый повод переживать для такого толстокожего и властного человека, как Сталин? – резонно парировал Даллес. – Да и потом, как говорил Лоуэлл, не ошибаются только дураки да покойники. Мало ли, кто из нас и когда дал маху в выборе друзей. Так что ж теперь?

– Ты прав, повод слишком пустячный, – многозначительно процедил Донован. – Однако же, всего мы не знаем. Начало процесса приоткроет завесу тайны над истинной картиной отношений Сталина и Гитлера – этого- то русские и боятся. И потому будут препятствовать работе трибунала... Вернее, уже начали...

– Каким образом?

– Они недвусмысленно по дипломатическим каналам намекают нам на те процессуальные нарушения, которые были допущены при подготовке и проведении Бельзенского процесса... Ну да об этом мы уже с тобой говорили. Здесь надо обратить внимание на то, что русские еще в 1942 году создали специальную комиссию по расследованию преступлений гитлеровцев на оккупированных территориях. А год спустя – в 1943- ем – провели в освобожденных Харькове и Краснодаре два процесса над нацистами и их пособниками, по итогам которых всем, разумеется, были вынесены смертные приговоры. Пытаясь опорочить практику Бельзенского процесса, они ссылаются на процессы Харьковский и Краснодарский, в которых все осужденные были казнены. Мы нашли нарушения и у них, но суть не в этом, а в том, что сейчас позиция русских зиждется на двух китах: а)справедливого и беспристрастного суда, как

прописано в Уставе Трибунала, все равно не получится, и б) зачем тратить время и ресурсы на доказательства, если все равно всем- виселица?

– Где- то с ними можно согласиться...

– Не спеши. О моральной стороне вопроса мы с тобой уже поговорили, – отрезал Donovan. – Но меня беспокоит обратная сторона медали: если все равно всех вешать, если мы договоримся закрыть глаза на некоторые несоблюдения формальных условий процедуры привлечения к ответственности, то чего бояться русские? «Дадим им последнее слово, кинем кость, а после на виселицу» – так должна звучать философия тех, кто не боится. Но они упрямы в своем нежелании открыто судить гитлеровцев! Значит, все же бояться. А вот чего – вопрос. Ответить на него – наша с тобой задача, которая должна быть решена в кратчайшие сроки.

– К чему такая срочность? – не унимался пылливый заместитель «Дикого Билла», который сегодня проявлял невероятную тактичность, проницательность и прозорливость – именно по проявлениям этих, несвойственных ему, качеств Даллес понял, что вопрос перед ним сегодня стоит серьезный и важный.

– К тому, что обстановка в мире, несмотря на окончание войны, менее напряженной не стала – ты- то об этом знаешь. Итоги конференций, разделивших Европу на сферы влияния между союзниками, не устраивают никого. Это значит, что третья мировая может начаться со дня на день. СССР лежит в руинах, а когда лучше всего бить соперника, если не в момент его усталости? Только повод для этого нужен серьезный, и мое чутье подсказывает, что он у нас почти в руках... Однако, вопрос войны все же оставим политикам. Мы же должны сделать свою, разведывательную, работу. От ее результатов зависит, кто в каком обличье войдет в историю – кто на веки вечные станет врагом человечества, а кто – другом. Гитлер и Сталин – эти два друга – должны предстать в одинаковом свете. Но в правдивом. Потому так важно докопаться до истины и доказать ее, что ты и должен сделать...

Даллес понимающе посмотрел на шефа – все сказанное им на протяжении последнего часа, наконец, сложилось в единую мозаику, логичную, последовательную и искреннюю.

– Мне надлежит отправиться в Нюрнберг?

– Да. Но для начала надо изобрести повод – приезд твой без него будет не просто криво истолкован; он сам по себе станет козырем в руках наших противников...

– Козырем? Но каким?

20 сентября 1945 года, ближняя дача Сталина в Кунцево

Сегодня на прием товарищ Сталин вызвал Андрея Януарьевича Вышинского. Этот человек, ныне занимающий скромную и малозаметную должность заместителя министра иностранных дел СССР по правовым вопросам, вошел в историю страны не благодаря тому, что был образованнейшим юристом, профессором, автором книг и монографий, а некогда – даже ректором МГУ. И даже не благодаря тому, что во Временном правительстве занимал должность товарища министра юстиции Малянтовича, и в этом качестве отдал приказ об аресте Ленина. Все эти, без сомнения, яркие события до поры меркли на фоне остальных, не менее ярких, но куда более мрачных. Он стал печально знаменит благодаря своему участию в качестве главного прокурора страны в сталинских репрессиях 1930- х годов. Яркие, но хамские подчас обвинительные речи становились грозным предвестником скорой расправы над неугодными Сталину старыми партийцами. От них веяло кровью и страхом, которые вплелись в воздух того времени и которыми тогда, с подачи Вышинского, дышала вся страна. В начале 1940- х война прервала вращение молоха репрессий, но кровавого обвинителя, несмотря на новую должность, по- прежнему звали «прокурор Вышинский». И по- прежнему Сталин поручал ему решение самых сложных, ответственных и подчас темных вопросов – только тот, чьи руки обгарены

кровью общих жертв, сможет по-настоящему почувствовать волю жестокого хозяина и будет стараться, воплощая ее в жизнь.

Сейчас Вышинский по приказу хозяина должен был доложить ему свои соображения, касающиеся срыва Нюрнбергского процесса.

– Заходи, садись. Что скажешь, есть результаты? – с порога начал Генсек, для которого проблема была достаточно острой, а потому обсуждения ее не предполагали соблюдения каких-либо правил этикета. Верный пес понял его с полуслова.

– Думаю, товарищ Сталин, инициативы союзников в этой части избежать не удастся, – робко пряча глаза, развел руками Вышинский. – Слишком уж серьезный вопрос – что делать с арестованными главарями рейха? Просто отпустить уже не получится – после того, как по всему миру прокатилась волна судов над меньшими по масштабу нацистскими преступниками. Они обошли нас в этом вопросе, инициировав Бельзенский процесс...

– Да, – протянул Сталин, недовольно потирая себя по коленям, – ты прав, тут они нас обскакали. Пока ми с ними раздел послевоенной Германии и Европы обсуждали да потери в войне подсчитывали, они подсустились. Ни с кем не посоветовались, в очередной раз наплевали на мнение союзников, осудили и машут теперь флагом Бельзена по всему миру! Вай! А что они в самом Бельзене натворили – никого не интересует... С какими нарушениями провели процесс? И хотят теперь такое же облихование устроить в международном масштабе тем, с кем вчера сидели за столом переговоров и задницу лизали перед войной...

– Думаю, товарищ Сталин, процессуальные нарушения здесь не будут играть особой роли – слишком велика степень содеянного. Да и мы сами немного виноваты в допущении итогов Бельзена – таких дел натворили в 43-ем в Харькове и Краснодаре, что последствия нам еще долго аукаться будут.

– А што било делать? – с легким грузинским акцентом вопрошал глава государства. – Народ не верил тогда в нашу победу – ты и сам помнишь, как Политбюро, прикрывшись каким-то детским садом, решило чуть ли не в полном составе на сторону врага переметнуться! Мне бы их тогда, по совести, всех к стенке поставить, да не то било время, чтобы счета сводить – мы это позже сделаем...

Вышинский согласно кивнул головой – Сталин говорил правду. В 1943 году следственным органом удалось вскрыть подпольную организацию под названием «Четвертый рейх», состоящую из детей советской партийной элиты. Эти самые дети планировали, в случае захвата Гитлером Москвы, не только перейти на его сторону, но и сформировать марионеточное правительство России как очередной колонии рейха. Тогда их деятельность удалось пресечь, выслав их из Москвы, но в памяти Сталина эта история останется навсегда – звуча как старая сказка про гамельнского крысолова, она делала очень уж неправдоподобной роль в этой организации детей и, в то же время, недвусмысленно бросала тень подозрения на их родителей, дрожавших от страха в предвкушении сдачи Москвы.

– Чтобы дух народа хоть как-то приподнять, мы тогда и провели два этих процесса, – продолжал вождь. – Кто же мог знать, что они вот так вот воспользуются нашей инициативой и повернут ее в конечном итоге против нас?

– Знать никто не мог, да что сделано, то сделано. Теперь все это играет в пользу старта суда трибунала в Нюрнберге... Послушайте, товарищ Сталин, а вы прямо так уверены в том, что нам этот суд не нужен?

– В каком смысле? – потупил озадаченный взор вождь на своего собеседника, который вдруг забыл, о чем идет речь, и начал фантазировать, напрасно пытаясь набить очков в глазах главы государства:

– Чего мы их так боимся? Как бы там ни складывались наши отношения перед войной, они – проигравшие, а мы – победители. А победителей не судят. Отправим в Нюрнберг наших

лучших специалистов по доказательствам, представим все в нужном свете, заткнем им рты, где не надо и...

– Ну да, – оборвал полет его фантазии хозяин. – А признания выьем пытками, как ты всегда здесь привык? Так, што ли?

– Необязательно... – лопотал бывший прокурор, поняв вмиг, что затея его Сталину не понравилась.

– А, если не выйдет, то они всему миру расскажут про то, как делили с нами Европу, оружием обменивались, когда вторая мировая уже шла в Европе полным ходом? Про Катынь расскажут, про дело Тухачевского, да? Молчи, дурак, если не можешь рассчитывать на два шага вперед. Все-таки мы поторопились, когда тебя дипломатом назначили. Тебе еще лавры обвинителя покоя не дают, а в межгосударственном масштабе ты пока еще не мыслишь...

– Товарищ Сталин, куда меня партия отправит, туда...

– Само собой. Вот и поедешь в Нюрнберг дерьмо разгребать. Оценишь обстановку, соберешь команду и сделаешь все, чтобы процесс этот... – желваки заиграли на скулах хозяина, выдавая его гнев, – сорвать. У тебя ведь уже есть мысли, как это сделать?

– Есть кое-какие, товарищ Сталин.

– Ну?

– Знаете, в Нюрнберге же сейчас собрались представители судейского и прокурорского сообществ стран-союзниц. Все активно готовятся к слушаниям, изучают и собирают доказательства, работают над текстом обвинительного заключения... В такой обстановке, как мне кажется, участие политиков только повредит работе оргкомитета. Процесс ведь должен быть беспристрастным, а политики придадут ему эмоционального окраса, продиктуют решение трибуналу одним своим авторитетом. И потом – почему крупные политические фигуры только одной из держав присутствуют там, задавая тон еще не начавшемуся разбирательству, которое, как считают сами Трумэн и Черчилль, должно быть объективным и безэмоциональным?

– О ком ты? Кто там?

– Собирается приехать Даллес, заместитель начальника Управления стратегических служб США.

– Так он вроде не политик, он разведчик.

– Тем более, непонятно, что ему там делать. Там же не линия фронта. Там не враги США собрались... В такой обстановке мы можем и должны заявить, что советская сторона не может должным образом подготовиться к беспристрастному разбирательству в обстановке присутствия таких субъектов, которые приехали со вполне конкретной целью устроить политизированный суд Линча! Бельзенский процесс – яркий пример того, как они из судов судилища устраивают, а нам такое не подходит... Что скажете, товарищ Сталин? Их же салом, да им же по мусалам!

– Ловко, – улыбнулся в усы Сталин. – А если не сработает? Если скажут, мол, и вы шпионов и дипломатов присылайте? Ты-то вот, например, дипломат!

– В первую очередь, я прокурор. А потом – что это за базар будет, если все начнут туда высылать правительство в полном составе?! Там, к примеру, каждый вечер в «Гранд-отеле» собираются прокуроры и судьи, ужинают, выпивают, обсуждают будущий процесс. Что, если завтра там окажется шпион? Или политик? Утечка, давление на обвинителей и вершителей правосудия! А ну, как вражеское ухо услышит что-нибудь из того, что произносится ими в застольных речах?

– А такое возможно? Недобитки не дремлют? Они еще остались там?..

– К сожалению, остались, товарищ Сталин. К сожалению, остались...

– А доказать сможешь?

– Думаю, смогу, товарищ Сталин, – хитро улыбнулся в усы Вышинский.

22 сентября 1945 года, Нюрнберг, Американская оккупационная зона в Германии

Шел проливной дождь. Делегация американских прокуроров во главе с судьей Верховного Суда США Робертом Джексоном, работавшая в Нюрнберге, встречала на аэродроме советских коллег. По иронии судьбы среди встречающих был Аллен Даллес. Он прибыл только сегодня и встретился с Джексоном полчаса назад. Не меньшая ирония заключалась в том, что среди советских прокуроров был старый знакомый и приятель Даллеса – Лев Шейнин. Аллен Уэлш консультировал его весной 45-го в Берлине, где Шейнин писал свою знаменитую пьесу «Встреча на Эльбе», по которой позже был поставлен советско-американский фильм. Консультации его заключались в том, что он рассказал драматургу о попытках негативного влияния реакционных промышленных кругов Америки на разгром гитлеровской Германии, которое УСС в свое время удалось пресечь. Так рассказ Даллеса впервые стал сюжетом для книги...

Вообще это был удивительный человек. Лев Романович Шейнин был не просто следователем. Он был типичным продуктом своего величественного времени, про которых Максим Горький – кстати, лично знакомый со Львом Романовичем – говорил: «человеки-чудодеи», «гиганты», «стойки». Наличие таких людей требовало времени, так быстро и решительно спрессовавшееся перед лицом двух революций и мировых войн, стольких социальных и политических катаклизмов как в стране, так и в мире. Не будь таких людей – первый же удар слабого еще, молодого советского государства о скалы истории поверг бы его в состояние смертельного кораблекрушения. Время велело быть сильными, стойкими, разносторонними, образованными и хваткими. Много было таких людей или нет, теперь уже доподлинно сказать нельзя, да и критики не позволят. Но вот утверждать о том, что на плечах таких, как Шейнин все держалось, можно смело.

Человек разнообразных талантов, профессиональный путь начал он с должности журналиста в ленинградской газете. Статьи и фельетоны, а также многочисленные короткие рассказы, вышедшие из-под его пера быстро привлекли внимание читающей аудитории, среди которой был и высоко оценивший его автор «Матери» и «Буревестника». В квартире Горького на Кронверкском уже видевший себя в большой литературе начинающий журналист Шейнин бывал часто. Здесь он познакомился со Шкловским и с Фединым, с Эренбургом и Андрониковым, с Маяковским и Леоновым. Все шло как нельзя лучше, пока внезапно органы ГПУ не объявили массовую мобилизацию. После Гражданской кадров не хватало, а преступность была на очень высоком уровне, так что мобилизация подлежащего призыву гражданского населения была единственным решением вопроса. Шейнину выпало попасть на службу в органы защиты правопорядка.

Поначалу он совмещал работу оперуполномоченного с написанием заметок о жизни сотрудника уголовного розыска, но потом работы стало так много, что на личное пространство времени практически не осталось. Ситуация немного изменилась в лучшую сторону, когда в 1931 году его перевели на работу в Прокуратуру СССР на должность старшего следователя. Тут, в Москве, он познакомился со знаменитыми советскими драматургами братьями Тур, в соавторстве с которыми написал сценарий фильма «Ошибка инженера Кочина». Нашел время, чтобы поучаствовать в работе лаборатории по разработке «детектора лжи». Эта работа могла бы продолжиться и дальше, но в планы Шейнина-писателя и ученого неожиданно вмешалась война. Ни на день не прерывал он литературной и следственной работы, и даже случайное знакомство с Даллесом в освобожденном Берлине общительный и умный литератор использовал в творческом поиске...

Соавторы и старые друзья горячо поприветствовали друг друга. Обнялись также главы делегаций – Джексон и Вышинский.

– Как перелет? – дежурно поинтересовался главный американский обвинитель.

– Долетели скверно. Сами видите, – отмахнулся руководитель советской делегации, указав рукой на явные следы пуль на фюзеляже самолета.

– Это следы..? – уточнил Джексон удивленно.

– Так точно, мистер Джексон. Мы летели через Чехословакию, а там в горах еще постреливают. Определенно гитлеровские наймиты знали о том, кто находится на борту, и только чудо не позволило им довести свои замыслы до конца – не верь после этого в Бога...

– А почему не напрямую из Москвы? – поинтересовался Джексон.

– Слишком далеко. Обязательно садиться на дозаправку в Праге. Кроме того, на территории Пражской комендатуры мы храним огромное количество доказательств, которые подлежат перевозке в Нюрнберг. Даже не знаю, как при таких обстоятельствах советская делегация будет должным образом организовывать работу своих обвинителей в процессе...

– Не переживайте, Андрей, – браво хохотнул Джексон, похлопывая советского коллегу по плечу. – Для обеспечения нашей с вами безопасности здесь присутствует мистер Даллес из УСС...

Даллес был против такого представления, но глава американских обвинителей, видимо, не придавал значения его опасениям относительно поведения русских в преддверии процесса. Вышинский же все понимал прекрасно – он смерил Даллеса негодующим взглядом и отрезал:

– Тогда переживать надо еще сильнее. Зачем здесь разведчики? Мы на войне? Или он собирается выполнять агентурную миссию среди обвинителей по заказу политических кругов США? Думаю, присутствие таких господ здесь сейчас, в такой важный, ответственный и секретный момент, вдвойне недопустимо...

Шейнин вмиг отшатнулся от своего товарища. Аллен Уэлш не стал ничего говорить – он понял, что переубедить мастодонта не получится. Американцы с видом побитых щенков быстро разбежались по машинам и направились в «Гранд-отель», где должна была разместиться советская делегация...

Даллес прибыл в спешке – рейс задержали, и ему по прибытии едва хватило времени, чтобы соблюсти формальные процедуры и доложить о своем приезде генералу Эйзенхауэру как руководителю Американской оккупационной администрации посредством телефонной связи напрямую из Нюрнбергской комендатуры. Потом надо было успеть встретиться с Джексоном, который, как назло, спешил на встречу с русскими – важно было перехватить его до прилета борта Вышинского, чтобы поделиться целью приезда и мнениями Донована и Трумэна. Сделать это удалось только в машине – Джексон уже спешил на аэродром. Вся эта спешка лишила Даллеса возможности толком осмотреть городские пейзажи. И потому только сейчас из окна автомобиля он смог более или менее полноценно лицезреть древнейший германский город, в котором уже не в первый раз за последние 20 лет должна была решиться судьба всего цивилизованного человечества.

Вековая брусчатка старого города, остроконечные шпили зданий, словно сошедших со страниц братьев Гримм, древняя германская архитектура, тяжелые кованые ворота старинных замков (используемых уже давно совсем не по прямому назначению), узкие улочки – все это словно дышало историей Германии. Не только древней, в которую город этот навсегда войдет одним из судьбоносных, но и новейшей, немного подпортившей его репутацию... В 1927 году в Нюрнберге состоялся первый съезд Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП), так как Гитлер считал, что готическая архитектура Нюрнберга наиболее полно воплощает германскую культуру. Главным местом действия были расположенные на окраине города Арена Луитпольда – площадь для демонстраций, вмещавшая до 150 000 человек, – и Зал Луитпольда вместимостью до 16 000 человек, в котором проходили собрания. По проекту Альберта Шпёера – ныне одного из подсудимых на предстоящем процессе – в этом районе должен был быть создан грандиозный комплекс «Цепелинтрибуна», предназначенный для проведения партийных съездов. Выстроенные там колоссальные сооружения засняты в фильме Лени Рифеншталь

«Триумф воли» и других произведениях тогдашних кинодокументалистов... В 1935 году здесь издаются Нюрнбергские расовые законы, окончательно исключившие евреев из жизни немецкого общества. В 1938 году здесь же происходит грандиозный (и последний) партийный съезд нацистов, в котором участвовало около одного миллиона человек. Во время бомбардировки 2 января 1945 года было разрушено около 90 % старого города, но, несмотря на это, в каждом квадратном сантиметре ощущалась связь времен, и ощущение это приободряло Даллеса, которому сейчас как никогда казалось, что именно в его руках бразды правления колесницей истории, что от него зависит ее следующий лихой поворот.

Примерно те же картины созерцал из другого автомобиля, двигавшегося по той же дороге, Андрей Януарьевич Вышинский. И мысли его посещали примерно те же самые. С той лишь оговоркой, что его в окружающей картине впечатлила не ее историчность, а порядок и относительная чистота, – конечно, в той степени, в какой она допускается положением оккупированного и пострадавшего от бомбежек города. Американцы, насадившие на своей территории свои порядки, для начала расставили всюду кордоны, затем постарались разгрести руины, убрать значительную часть крупного строительного мусора и начать восстанавливать то, что было разрушено их же бомбами. Вышинский не так давно работал на территории Советской оккупационной зоны в Берлине под началом маршала Жукова, которому оказывал правовую поддержку в первые дни после освобождения Германии. Так вот там он такого порядка и дисциплины не видел – всюду царил разруха, пьянство, разврат, мародерство, издевательство над мирными немцами. Здесь же жители оккупированного города жили в мире со своими новыми оккупантами, что было для Андрея Януарьевича в диковинку – не то, чтобы он считал, что мирных немцев надо бить и насиловать подобно тому, как делали это советские солдаты, но непривычно было ему видеть образцовый уклад. В какой-то момент он даже позабывал удивительной покладистости и тактичности американцев, подумал, что неплохо бы нам поучиться у них этому, но уже очень скоро отогнал от себя эти мысли, вспомнив вдруг, что прибыл сюда не для дружбы, а для войны – пусть и закулисной – со вчерашними союзниками.

Тем же вечером в просторном ресторане «Гранд-отеля», также быстро и качественно восстановленного американцами после бомбежек Нюрнберга, он, в компании прибывших сюда судей и прокуроров из союзных государств, входящих в оргкомитет Трибунала, произнес такой тост:

– Уважаемые дамы и господа! Сегодня мы собрались здесь, в городе, представляющем собой вчерашнюю цитадель и обитель нацизма, чтобы начать трудное дело – уничтожение гидры, которая почти 20 лет опутывала весь земной шар не только физическими, но и идеологическими путями расовой теории, чудовищной по масштабу и последствиям. Неслучайно выбран этот город местом скоро и правого суда над теми, кто обрек на мучительную смерть миллионы ни в чем не повинных людей – ведь именно здесь, на земле Нюрнберга, зародился некогда этот ужас. Перед нами стоит сложная задача, при выполнении которой мы должны помнить и понимать две вещи. Во-первых, что нет и не может быть никакого оправдания для тех, на чьих руках кровь такого количества невинных жертв. Во-вторых, что в демагогии, в искусстве врать и вводить в заблуждение им нет равных, и, начав играть на их поле, очень важно не принимать за основу навязываемые ими правила, так как велик риск заведомо проиграть. Давить гидру надо безжалостно, не давая ей шанса устроить судоговорение и вывернуться из рук международного правосудия у нее же дома, где, как гласит русская пословица, и стены помогают... Да, до конечного результата и полной расправы с ней еще далеко, но ничего – и дольше ждали. Подождем еще, но недолго – ведь и Устав Трибунала, и веление времени требуют, чтобы суд был справедливым, но скорым. Да, суд правый и суд скорый – ведь в международном праве одно не исключает другое, поскольку страны-участницы процесса сдерживают и направляют друг друга. Где одна заблудится, другая непременно поможет. Мы строим новую Вавилонскую башню в Нюрнберге, которой уже не суждено будет обрушиться на наши

головы, ведь, вопреки гитлеровским лозунгам, уже не с ними, а с нами Бог! И Он – есть он или нет – делегирует нам полномочия воздать! За суд скорый и справедливый, праведный и законный! За вас, друзья мои! И, конечно, за Победу!

«Ловко», – подумал Даллес и улыбнулся. Они с Шейниным сидели за столиком в углу зала и, потягивая виски, беседовали о перспективах начинающегося процесса.

– Не в моей компетенции совать нос во внутреннюю политику такой державы, да еще и нашего союзника, но понимаю, что твой приезд сюда не случаен,.. – набравшись смелости после четвертой или пятой рюмки, заговорил Шейнин. – И, конечно, связан с началом процесса, в котором не все гладко...

– Ты абсолютно прав. Я бы мог поддержать демагогию руководителя вашей делегации, но скажу откровенно. Я прибыл для того, чтобы не дать вашей стороне возможности сорвать начало работы трибунала...

Даллес ожидал увидеть удивление в глазах своего собеседника, но тот посмотрел на него ледяным взором, негласно подтверждая правильность сведений, которыми располагало УСС.

– Это верно. Многие у нас не хотели бы начала работы трибунала, – процедил Шейнин.

– Кто, например?

Следователь хохотнул:

– По- моему, проще перечислить тех, кто ратует за суд, «скорый и справедливый», – процитировал Лев Романович Устав Трибунала.

– И все же?

– Про сильных мира сего говорить не буду – сам понимаешь, что может быть мне за такое, да и не моего это ума дело. Тут ты больше располагаешь материалом. Скажу только, что Вышинский говорил мне накануне вылета...

– И что же?

– Например, что объективного расследования у Трибунала не выйдет по причине того, что не все мы, советская сторона, можем ему рассказать. Например, не можем привести сюда свидетелей бесчинств гитлеровцев из числа тех, кто был у них в плену, потому что у себя на родине подавляющее большинство тех, кто был во время войны за линией фронта, арестованы как предполагаемые предатели. Что же получается – на родине их судят за то, за что здесь захотят наградить? Так не пойдет. Значит, получится, будто Советский Союз и не пострадал вовсе.

– А, может, все- таки поступиться интересами национального правосудия и сделать, ради общего блага, из них героев? – предложил Аллен Уэлш.

– Это можно. Только у первого, кого станут допрашивать в качестве свидетеля, спросят об обстоятельствах, при которых он попал в плен. А он и расскажет, что случилось это по причине явной неподготовленности Советского Союза к началу боевых действий. Как же, скажут, ведь вас же предупреждали союзники, и предупреждали многократно?! А мы что ответим? Что верили не им, а Гитлеру, с которым... Ну, в общем, ты сам все знаешь. Плюс ко всему мы просто не умеем работать.

– Что это значит?

– Что Устав Трибунала предложила ваша сторона, а мы, ничтоже сумняшеся, проголосовали за его утверждение, всерьез не воспринимая идею суда и не имея никаких представлений о международном праве и его канонах. – Это высказывание советского следователя удивило Даллеса, и его собеседник поспешил обосновать свое высказывание: – Кто у нас последние 30 лет осуществляет правосудие? Крестьяне с низшим образованием, которых партия выбрала в судьи и прокуроры, которые под себя, под собственный слабый интеллект, выдумали законы и сами претворяют их в жизнь так безграмотно и вероломно, как подобает палачам инквизиции – то есть по приказу. Логика такова: если по сути человек виноват – нет разницы, за что его судить и как доказывать его вину. Главное чутье. Подойдет такая логика для Трибунала, за

работой которого будет наблюдать весь мир?! Ведь как вести следствие по- настоящему, как собирать доказательства без пыток с целью получения признательных показаний, как доказывать причастность лиц к совершению инкриминируемых им преступлений – мы просто не представляем. Ладно дома, а что, если мы здесь, перед всем миром, демонстративно угодим в грязь лицом?! Да и неизвестно еще, что начнут говорить сами обвиняемые в адрес нашего руководства, и сможем ли мы парировать их доводы должным образом ...

Разведчик с пониманием посмотрел на разоткровенничавшегося приятеля, как видно опьяненного воздухом свободы, алкоголем и обществом человека «оттуда» – не зомбированного шпиономана из Москвы, а светского дипломата с признаками разума, – и уточнил:

– И что вы намерены делать, чтобы сорвать процесс?

Шейнин отпил из бокала и, еще более понизив голос, ответил:

– Ну кое о чем ты уже знаешь.

– О чем?

– О провокации с самолетом. В горах Чехословакии еще действительно кое- где ведутся боевые действия, но пули в фюзеляже нашего самолета принадлежат далеко не чешским боевикам, уж поверь...

– Я догадался. Но только лишь этого мало, чтобы говорить о возможном срыве процесса со стороны про- гитлеровски настроенных соединений, да еще базирующихся далеко от Нюрнберга.

– Еще Вышинский постарается назначить обвиняемым психиатрическую экспертизу, которая признает их невменяемыми, а читай – неподсудными...

– Как это? Какие для этого у него есть основания? – вскинул брови Даллес, явно не готовый к такой тактической хитрости в исполнении полуграмотных крестьян, чей образ Шейнин нарисовал ему минуту назад и который в принципе совпадал с его представлениями об облике советских обвинителей. Собеседник усмехнулся и ответил ему:

– Ты же помнишь эту историю про Гиммлера, который во время посещения одного из концлагерей увидел немецких солдат, закапывающих горы трупов казненных, и после сотого покойника ему стало плохо. Он не смог смотреть на это, а Бах- Зелевски сказал ему, что выполнение солдатами столь грязной работы пагубно сказывается на их психике, что, сами того не желая, они превращают солдат в зверей?

– Помню, – кивнул Даллес. – После этого они стали поручать уничтожение и захоронение узников в основном «травникам» – коллаборационистам.

– Именно. Но суть не в этом. А в том, что, внеся корректировки в лагерные порядки, и сам Гиммлер, и Бах- Зелевски, и остальные все же продолжали посещать концлагеря и созерцать если не сам процесс умерщвления и захоронения, то связанную с ними атрибутику. Дневники Франка, обитые человеческой кожей; усохшие отрезанные головы узников на столе у Зейсс- Инкварта; демонтированные золотые зубы, приходящие из лагерей вагонами к министру финансов Функу для переплавки и оприходования в качестве «золота рейха» – все это было для них такой же повседневностью, как для тебя шпионаж, а для меня фальсификация доказательств по делам в отношении явных врагов режима. Только если шпионаж и фабрикации дел еще можно как- то оправдать, то это... Это можно объяснить только врожденной кровожадностью людей, массово собравшихся в верхушке рейха. А это – признаки явных психических отклонений. Разве можно судить таких людей как полноправных членов общества?

Даллес присвистнул:

– Ничего не скажешь, оригинально придумано. Мне придется потрудиться, чтобы доказать обратное...

Шейнин обратил внимание на стоящего невдалеке Вышинского. Он был увлечен разговором со своим давним знакомым, судьей от Франции Робером Фалько, но все же не сводил глаз со своего помощника, беседовавшего с американским разведчиком. Лев Романович, конечно,

уже выдумал легенду, которую расскажет бывшему кровавому прокурору относительно темы разговора с Даллесом, но понимал, что до конца тот все равно ему не поверит. «Да и плевать, – думал следователь, – ему все равно сейчас будет не до меня...»

– Думаю, он приложит все усилия, чтобы удалить тебя отсюда, – не сводя глаз со своего начальника, ответил Шейнин. – Он сделает все, чтобы не дать тебе работать. Сам же слышал его позицию относительно того, что присутствие твое здесь компрометирует, не дает трудиться и так далее...

– Да...

Даллес хотел было продолжить, но вдруг сзади к нему подошел американский солдат и что-то шепнул на ухо. Он резко встал и выбежал из зала, а, когда спустя 5 минут вернулся, торжественно объявил своему товарищу:

– Ну все, повод для моего присутствия найден.

– ?

– Из Дворца правосудия сообщили – Лей покончил с собой.

2. Первая кровь

23 сентября 1945 года, подвал Нюрнбергской тюрьмы

Тюрьма Нюрнберга была одним из древнейших зданий старого города. По сути, она представляла собой крыло Дворца правосудия, примыкая к нему с правой стороны от входа. Древней она была настолько, что камеры ее вовсе не были похожи на камеры современных тюрем – больше они походили на древние казематы со скамьями вместо стульев и бойницами вместо окон под самым потолком, да еще и с решетками. Камеры были утлые, света было мало. Впоследствии один из подсудимых, банкир Яльмар Шахт так напишет об условиях содержания: «Первоначально в камерах были массивные, крепкие столы, на которых можно было писать. Но такие столы можно было использовать для того, чтобы дотянуться до окон. Поэтому позднее крепкие столы вынесли и заменили неустойчивыми деревянными сооружениями в виде хрупких верстаков, покрытых сверху тонким картоном. Писать на таких столах было настоящим мучением, поскольку поверхность не переставала колебаться. А между тем все одиннадцать месяцев, в течение которых длился трибунал, нам приходилось много писать хотя бы только для того, чтобы снабжать информацией защиту...»

Однако, делать было нечего, выбора не было. Другой тюрьмы гитлеровцы в городе не построили – здесь планировалось проводить съезды партии и пышные конференции, а не разводить преступников и бродяг. Обустраивать быт нацистов союзники также не собирались – не заслужили они того, да и дать им возможность здесь писать значило дать им в руки их же оружие. Потому тюрьма эта была тюрьмой в классическом, страшном и мрачном смысле слова.

Аллен Уэлш Даллес прибыл сюда следующим утром после прилета советской делегации для освидетельствования трупа заключенного Лея – одного из подсудимых на грядущем процессе. Со следами асфиксии на шее в камере его обнаружил охранник из американской военной полиции – именно ее личный состав охранял здание и помещения внутри него. Доктор констатировал смерть в результате удушения, а военный следователь не обнаружил следов преступления. По всему выходило, что Лей покончил с собой. Но в таком случае что здесь делать Даллесу, который с этой минуты формально контролирует следствие по делу и потому не может убыть из Нюрнберга, хотя бы и по настоянию советской стороны?..

Брезентовая простыня откинута в сторону. Грузный, толстый человек с маленькими усиками и седыми волосами на яйцеобразной голове, одетый в какую-то поношенную хламиду, лежит перед глазами разведчика и сложно поверить в то, что некогда он стоял на вершине пирамиды под названием «Третий рейх»...

Информация к размышлению (Роберт Лей). Член НСДАП с 1923 года – озаменованного «Пивным путчем» Гитлера и его друзей – Лей как раз был типичным представителем того самого «потерянного поколения» молодых людей, прошедших войну, для которых крушение великой Германской империи стало личной трагедией, приведшей к потере идеалов и к поиску новых в радикальных идеях национал-социализма. Его врожденный интеллект вкупе с националистическими настроениями превращал его в клад для Гитлера, активно занимавшегося стяжанием ценных кадров.

Лей был серьезным ученым (докторскую диссертацию защитил в 1920 году, 30 лет от роду), экономистом, знатоком международного права, виртуозным пианистом и скрипачом, ценителем искусства, дружившим с артистической богемой двадцатых и тридцатых годов – от Элюара до Дали... А еще он был оратором и, обращаясь к многотысячной толпе, мог произнести такие вот, к примеру, фразы: «Уличный дворник одним взмахом метлы сметает в сточ-

ную канаву миллионы микробов. Ученый же гордится тем, что открыл одного единственного микроба за всю жизнь». При этом он всегда вел себя, как хотел: венчался с одной женщиной, а в мэрии расписывался с другой, спокойно курил на совещаниях, выдыхая дым в нос Гитлеру, смертельно боявшемуся рака горла, устраивал бешеную гонку за рулем автомобиля, в котором сидела чета Виндзоров, открыто дружил с евреями, мог, бросив все дела, улететь с очередной любовницей в Венецию на карнавал... А в это время по радио, на весь рейх, звучал его голос, с особой, точно гвозди вколачивающей интонацией: «Человек должен признавать авторитет!.. Ни раса, ни кровь сами по себе не создают общности. Общность без авторитета немислима... Авторитет абсолютен! Авторитет – гармония! Авторитет – идеал!»

В 1933 году он возглавил Трудовой фронт. Делать ставку на рабочих в вопросах классовой борьбы придумал не Гитлер, а Карл Маркс, чьи труды экономист Лей не мог не изучать еще на университетской скамье. Чтобы объединить рабочие ряды под своим знаменем, НСДАП решило разогнать профсоюзы, что и было поручено Лею на его новой должности. Но ведь в таком случае рабочего надо чем-то привлечь, заинтересовать, предложить ему какую-то альтернативу. Наставляя своих агитаторов, посылая их на заводы, он так объяснял им самую суть: «Вы должны понимать, что именно мы сделаем. Мы дадим рабочему много не для того, чтобы он этим пользовался, а для того, чтобы получить от него безграничную веру. Дав безграничную веру, мы дадим рабочему все».

В 1935 году Лей на весь мир объявил, что в Германии де-факто отсутствует классовая борьба и начал усиленно строить социализм. При набирающей обороты военной машине это было нелегко: приходилось постоянно конфликтовать с Герингом, Гейдрихом, позже – Шпеером, желавшим наложить лапы на богатую казну Трудового фронта. Но Лей умел давать им отпор.

«Мы жили тогда, как в раю, – вспоминала в шестидесятых годах бывшая работница завода концерна Боша Клара Шпер. – Мы переехали в большую квартиру, где у нас с сестрой была своя комната с балконом... Мама каждый вечер перед сном крестилась на портрет фюрера, висевший у нас над радиоприемником. А просыпаясь по утрам, мы улыбались нашему рабочему вождю, фотографию которого принес с завода отец. Как мы его любили!»

Сам Лей взаимностью им не отвечал – умному человеку, ему очень скоро стало скучно организовывать быт и досуг рабочих. «Я занимаюсь скучной работой – внушаю недоумкам, что они соль земли, раса господ, будущие властелины мира!.. – разоткровенничался однажды Роберт Лей в письме к Альбрехту Хаусхоферу. – Наши такие же тупицы, как остальные. Главное было дать им работу... Наш рабочий, пока он работает, внушаем и управляем, как прыщавый подросток. Он наденет военную форму, даже не заметив, будучи уверен, что его просто переставили на другое место на конвейере общенационального труда».

От скуки он вскоре запил, что, однако, не помешало ему объявить первую в мире общегосударственную кампанию по борьбе с пьянством, для «экономии семейного бюджета». Вообще его личная жизнь – отдельный разговор. Легион любовниц был отставлен и забыт, когда в сорок лет он познакомился с двадцатилетней сестрой Рудольфа Гесса Маргаритой. Их связывало все: страсть, преданность друг другу, равенство интеллектов, круг общения, дети. Все, кроме убеждений. Он оставался душой национал-социализма; она – коммунистом в душе.

Зная это, Гитлер отправил его 21 апреля 1945 приказом из бункера в Баварию «на укрепление обороны». Впавший в безумие фюрер упорно отказывался понимать, что всему пришел конец...

Лей повесился на канализационной трубе в своей камере в тюрьме Нюрнберга. В предсмертной записке он признался: «...Я больше не в состоянии выносить чувство стыда». О каком стыде он писал? Неужто раскаяние настигло его перед лицом правосудия?..

– Скажите, – обратился Аллен Уэлш к исполняющему обязанности начальника тюрьмы полковнику Бертону Эндрюсу, – в последнее время с кем Лей общался чаще всего?

– С охранниками, с кем же еще, – развел руками Эндрюс. – Больше- то к нему никого не допускали, да никто и не приходил.

– С одним конкретным или с несколькими?

– Караулы у нас меняются редко – людей не хватает, сами понимаете. Поэтому последнюю неделю все больше беседовал с одним из охранников, сержантом Коннором.

– А о чем они говорили, вам неизвестно?

– Лей вроде бы жаловался на головные боли из- за отсутствия спиртного... Просил, чтобы к нему прислали психолога. Его все не присылали, там в Вашингтоне вроде бы никак не могут определиться с кандидатурой. Ну да это вам виднее... Говорил, что не понимает, за что его здесь собираются судить, он- де никакого отношения к работе концлагерей не имел, да и войну не развязывал.

– Чего, по- вашему, он мог стыдиться? – потрясая в воздухе предсмертной запиской Лей, спрашивал Даллес.

– Сам черт не разберет, что творилось в голове у этого пьянчужки, – пожал плечами Эндрюс. – Может, осознал, что натворил? Но вообще никакого раскаяния в его разговорах не проскальзывало – во всяком случае, так следует со слов Коннора. Он, скорее, не понимал или не хотел понимать происходящего. Считал его абсурдным, что ли. Ну как же – вчера был царь и бог, всеми командовал на вполне себе законных основаниях, а сегодня, за то же самое, не ровен час повесят...

«А ведь их можно понять, – подумал Даллес. – Они на руинах империи построили государство, в целом, не хуже и не лучше остальных капиталистических держав, со своими законами и порядками. Многие из них не имели никакого отношения к ужасам концлагерей и расовой теории. Просто выполняли свою работу – так же, как выполняли бы ее, находясь в любой другой стране мира и занимая любой другой ответственный пост. Конечно, гражданская ответственность их в том и заключалась, чтобы воспротивиться жестокой, негуманной, бесчеловечной политике, но разве каждый из нас, видя тут или там социальную несправедливость, сразу бросается к дому правительства с осуждающими митингами и пикетами? Разве каждый из нас оставляет должности и посты, не будучи согласным с теми направлениями государственной политики, которые впрямую нас не касаются? Разве каждый из нас бросает бомбу в главу несправедливого государства, даже понимая, что завтра этот строй все равно будет свергнут и бомбометателя приравняют к национальному герою?... Вот и получается, что человек, на первый взгляд непричастный к нарушениям закона, вдруг оказывается перед лицом неминуемой ответственности за то, чего он лично и непосредственно не совершал – и это называется правосудием. И он решает уйти из жизни, подобно кафкианскому герою, не видевшему исхода в неравной борьбе с государственной – а в данном случае уже и межгосударственной – машиной. Но за что тогда ему стыдно? За что или за кого? Странно...»

Конечно, ни о каком оправдании преступлений нацизма, к которым манипулятор и оратор Лей был причастен, Даллес не мог вести и речи. Просто на каком- то этапе размышлений ему показалось, что прав был Донован, неделю назад предостерегавший его от перегибов при проведении процессов такой общественной значимости... Хотя нет, такие мысли ему, кадровому разведчику, который призван своей страной обеспечить проведение скорого и справедливого суда над этими недочеловеками, следовало гнать от себя подальше. Что он и сделал.

От размышлений его отвлек Эндрюс:

– Простите, сэр?

– Да?

– Желаете лично допросить сержанта Коннора?

– Нет. Лучше дайте мне его личное дело.

– Оно в комендатуре, сэр, у полковника Брэдбери.

– Хорошо, я там с ним ознакомлюсь, спасибо. А вы пока смените караул у камер. Переведите Коннора, скажем,.. к Герингу. И вообще проведите ротацию – это никогда не помешает.

Еще толком не понимая, что криминального можно найти в расследовании самоубийства нестабильного психически человека (это согласно теории Ломброзо, учитывая наличие у Лея при жизни талантов в науке и искусстве, Даллес заключил, что под влиянием алкоголя он мог свихнуться куда вернее, чем, скажем Геринг или Йодль), Даллес все же понимал, что от результатов следствия зависит его пребывание в Нюрнберге. Следствие было формальным поводом не уезжать, а провал его свел бы этот повод к нулю. Потому следовало рыть носом. И одно «но» в истории с самоубийством Лея подсказывало ему направление движения – слова о том, что ему было стыдно. Со слов Коннора следовало, что никаких признаков раскаяния Лей не подавал. Так за что же ему стыдно? Может, сержант не услышал или не захотел услышать что-то важное, что сказал ему перед смертью нацистский преступник? Так или иначе, к допросу Коннора следовало подготовиться.

Для этого Даллес направился в комендатуру и долго там изучал личное дело американского сержанта. Быть может, он как-то косо истолковал речь Лея; может, пройденное им горнило войны скептически настроило его по отношению к лидеру «Трудового фронта»; может, у него замылились глаза и уши настолько, что он не заметил ничего, что могло сыграть решающую роль в самоубийстве гитлеровского сателлита? Одним из любимых писателей Даллеса был Честертон. Так вот, в его рассказах про патера Брауна описывается случай, когда полицейский шпик целый день наблюдал за домом в ожидании преступника и проморгал того, поскольку он переоделся почтальоном. Под конец дня соглядатай убеждал руководство, что к подъезду никто не приближался... Такой промах объясняется тем, что почтальон – настолько серая фигура, что заметить ее трудно даже при детальном рассмотрении. У следователя «замылился глаз». Может, и с Коннором произошло то же самое?.. Понимая, что перед допросом надо знать об испытуемом все или почти все, Даллес погрузился в чтение. Первое, что ему бросилось в глаза – происхождение Коннора. За разъяснениями по этому вопросу он обратился к полковнику Брэдбери.

– Скажите, полковник, здесь сказано, что настоящая фамилия этого Коннора – Кононенко. Это правда?

– Так точно, сэр.

– Выходит, он русский? Как же он попал в такое закрытое подразделение как военная полиция?

– Он из Канады, сэр. А там много украинцев – эмигрантов, целая колония. Так вот в военной полиции их добрых тридцать процентов служит. Нюрнберг – не исключение.

«Русские не делятся на собственно русских, украинцев и белорусов, – подумал Даллес. – Моего общения с ними в ходе войны и после ее окончания хватило, чтобы прийти к этому выводу. Все они одинаково думают и считают себя одной нацией. Значит, если этот парень был на войне и воевал с русскими плечом к плечу, ему близко то чувство ненависти, которое все они питают к гитлеровцам. Этим и объясняется его невнимательность к Лею... Да, допрос, как видно, предстоит с пристрастием...»

Вечером Даллес по традиции сидел за столом со Львом Шейниным в ресторане «Гранд-отеля». Они поужинали и теперь за стаканом виски обсуждали итоги дня, каждый из которых приносил все новые и новые известия.

– Как твое расследование? Что удалось узнать относительно причин смерти Лея? – спросил Шейнин.

– Пока мало, – отмахнулся Аллен Уэлш. – Но есть кое-какие подозрения...

– Какие?

– Как у вас говорят... Если скажу – не сбудется... Верно?

– Верно, – улыбнулся Шейнин. Он опустил глаза в стол, и Даллес обратил внимание на пухлую пачку газет, которую он принес с собой сегодня. По всей видимости, в них было напечатано нечто радостное, потому что русский следователь улыбался, глядя на них.

– А у тебя что нового? Чего сияешь?

– А со мной преинтересная история приключилась, – подпрыгивая от радости на месте и потирая руки, отвечал Шейнин. Он как будто ждал этого вопроса. – Я сегодня по поручению оргкомитета был в тюрьме, вручал подследственным уведомления о порядке ознакомления с материалами обвинения и представления дополнительных доказательств. Так вот на входе в здание Дворца правосудия стоит ваш солдат. И молоденькая сотрудница одной из делегаций пытается войти. А пропуск забыла. Роется в сумочке, копошится, пытается его отыскать. Солдат бросает ей: «Окей». Она все копошится, видно, очень уж правильная попалась. Тогда он ей возьми и скажи с типичным украинским акцентом: «Я тобі казав окей, чого ж ти дожидаєш?» Я своим ушам не поверил! Разговорился с ним, оказалось, что среди вашей военной полиции много выходцев из Канады, которые, в свою очередь, родом из Украины! Там, оказывается, большая колония. И, между прочим, ребята здорово скучают по родине... Вот, подобрал специально для них наши советские газеты – попросил меня тот парень, чтобы я завтра во время посещения принес. Хотят быть в курсе дел в своей стране... Трогательно, не правда ли?

– Очень, – улыбнулся Даллес. – А что это за газеты?

– «Правда», «Литературная», «Труд». Вышинский с собой из Союза захватил, чтобы было, что читать в самолете. И вот, не выбросил. Видишь, пригодились.

– Послушай, Лев. Как у вас говорят, не в службу, а в дружбу. Я тут русский начал учить – как-то неловко, что мы с тобой говорим по-английски, невежливо с моей стороны. Начал с газетной стилистики и хочу проверить свои знания. Не одолжишь мне на ночь эту подборку? Я протестирую себя, а утром верну их тебе в целостности и сохранности...

– Ох, темнишь, – шутливо погрозил пальчиком русский следователь. – Знаю я вас, разведчиков. Все бы вам что-нибудь разнюхать.

– С этой целью и учу язык! – так же, шуткой ответил Даллес своему товарищу.

– Добро. Но утром, за завтраком вернешь. Я своим землякам обещал, а это святое, – Шейнин придвинул ему пачку газет. – А теперь выпьем за успех твоего расследования!

– Но ведь это противоречит твоим национальным интересам. Тебе как члену советской делегации процесс не выгоден, а значит, не выгодно мое здесь пребывание – а оно продолжится, если следствие приведет хоть к каким-то результатам!

– Мне это выгодно как человеку и как твоему другу... А остальное... – оглянувшись и понизив голос, улыбнулся Шейнин и махнул рукой.

Поднявшись в номер, Даллес умылся, чтобы смыть с себя хмель от выпитого с советским товарищем. Ему предстояло много работы.

Умывшись и выпив аспирина, он сел за письменный стол и разложил принесенные с собой газеты. Стал их изучать вдоль и поперек. Ничего необычного. Стандартная советская агитка с портретами Сталина и выдержками из сочинений Карла Маркса. Неужели и правда Шейнин нес их русскому солдату в американской форме, чтобы удовлетворить любопытство последнего относительно уклада жизни в СССР? Нет, Шейнин при его доброте и человечности вполне мог так думать. Но Даллесу мотивы поведения солдата казались странными. Ну хорошо, думал он, скучаешь ты по родине. Но что о ней можно узнать из газет, которые во все времена были не более, чем голосом политиков и средством направлять общественное мнение в одно русло с государственной идеологией? С таким же успехом об этом можно было справиться у перелетных птиц, которые только что прилетели из Советского Союза. Нет, тут что-

то кроется – не оставлявшее разведчика с раннего утра чутье особенно взбунтовалось внутри него в эту минуту...

Он встал, походил по комнате, снова вернулся к столу. Провел по газетам руками – так же, как делал это его советский коллега. И тут... Тонкие, трепетные пальцы Даллеса, которые отличали его еще в детстве и благодаря которым мать настояла на его обучении игре на пианино с малых лет, почувствовали неладное. Вернее, они почувствовали тонкие, едва уловимые выступы на бумаге. Это были точки, выколотые иголкой возле определенных букв. Даллес схватил газету, разъединил листы и стал по одному подносить их к лампе – через точки бились тоненькие струйки света. Разведчик снова упал на стул и стал судорожно переписывать в блокнот буквы, возле которых были выколоты точки... Сопоставил написанное. Все без толку. В какую сторону ни читай – получалась абракадабра.

«Несомненно, это шифровка, – смекнул он. – Причем, Шейнин о ней не знает, иначе не дал бы мне газеты. Знает Вышинский. И тот, кто будет читать. А мы не узнаем, пока не получим шифровальный блокнот... Значит, все-таки началось. Донован был прав – так просто они не сдадутся».

Разведчик встал и подошел к окну. За плотно задвинутыми шторами начинало брезжить солнце.

24 сентября 1945 года, кабинет главного обвинителя от США Джексона во Дворце правосудия

Роберт Джексон был очень авторитетным юристом в США – недаром именно его Президент Трумэн делегировал в Нюрнберг в качестве главного государственного обвинителя. Авторитет свой он заработал многолетним стажем и опытом работы, которые начались с должности рядового адвоката. Потом была служба в Министерстве юстиции, во время коей Джексон участвовал в нескольких делах, получивших широкую известность во время Нового курса Рузвельта, в частности в деле бывшего министра финансов Эндрю Мэллона, который обвинялся в уходе от налогов, и антимонопольном деле против компании «Alcoa». В 1940 году Рузвельт назначил политика на пост Генерального прокурора (одновременно глава Министерства юстиции), но уже в следующем году Джексон занял освободившееся место судьи Верховного суда.

И здесь его квалификация только подтвердилась. Он был одним из самых авторитетных судей своего времени. Решения, написанные Джексонем, и его особые мнения в последующем часто цитировались судами. Среди дел, решение по которым было составлено Джексонем, можно отметить Департамент образования Западной Вирджинии против Барнетта (было признано неконституционным правило, обязывающее учащихся отдавать честь американскому флагу).

Сегодня в Нюрнберге Джексон выполнял важнейшую государственную миссию – и именно учитывая его опыт и авторитет, Даллес надеялся на понимание с его стороны в том тонком вопросе, с которым он явился поутру на прием.

– Мистер Джексон, я обращаюсь к вам как к официальному представителю судебной власти Соединенных Штатов здесь, в оккупационной зоне, – задекларировал Даллес, стоя навзничь перед главным обвинителем будущего процесса. – Коль скоро за законность здесь отвечаете вы, все следственные действия по курируемому мной делу о самоубийстве Лея должны быть согласованы с вами...

– Дело о самоубийстве? – удивленно вскинул брови Джексон. – А какое там дело? Самоубийство есть самоубийство, не так ли?

– Не совсем. Я думаю, что он был доведен до самоубийства.

– Но кем?

– Сотрудником охраны Нюрнбергской тюрьмы из числа военнослужащих американской военной полиции. Думаю, на него оказывалось давление, и со вполне определенной целью...

– Но какой?!

Даллес не решался открыть ему правду о шифровке. Могла произойти утечка информации – этот, без сомнения, образованный и умный юрист был абсолютно аховым разведчиком, и уже доказал это на практике, расшаркавшись позавчера на его глазах перед Вышинским. Но и молчать было чревато – Джексон мог не понять всей серьезности ситуации.

– Я думаю, член советской делегации обвинителей состоит в нелегальной связи с некоторыми сотрудниками охраны Нюрнбергской тюрьмы русской национальности. Связь осуществляется секретным путем и направлена на передачу указаний из Москвы о ликвидации подсудимых до начала процесса. О цели таких действий и попытках русских сорвать его вам может подробно рассказать мистер Донован... – набравшись смелости, выпалил Даллес.

– О ком речь?

– О Вышинском.

– Вы с ума сошли!

– Нет, сэр. Я...

Он не успел договорить – телефон на столе Джексона зазвонил. На том конце провода был тот, о ком секунду назад шла речь. Как говорится, легок на помине.

– Мистер Джексон? Это Вышинский.

– Доброе утро, Андрей, – хозяин кабинета кивнул, давая посетителю понять, с кем именно ведет диалог. – Чем обязан?

– Я хотел передать вам официальное мнение нашего руководства.

– Мнение? О чем?

– Об экспертизе. На наш взгляд и по мнению Политбюро, самоубийство Лея наглядным образом демонстрирует явную психическую неполноценность обвиняемых, которые не могут быть в таком случае подвергнуты суду как невменяемые лица. Это вопрос серьезный, и без экспертизы на данном этапе нам не обойтись. Вы согласны со мной?

– Вполне. Но думаю, нам лучше обсудить это лично. Может быть, отобедаем вместе?..

– Договорились. В час пополудни буду ждать вас в ресторане «Гранд-отеля».

Джексон в полуобморочном состоянии положил трубку – он никак не ожидал, что мнение Даллеса подтвердится так быстро.

– Вы говорите, Вышинский..?

– Да. Я так думаю. Во всяком случае, есть указывающие на это данные.

– И что вы хотите?

– Разрешите мне организовать наблюдение за ним!

Хозяин кабинета задумался. Решение было непростым с политической, дипломатической и юридической точек зрения...

– Вы же понимаете, что будет, если кто-нибудь об этом узнает?

– Понимаю, сэр.

– Уверен, что понимаете... В таком случае действуйте. Я не возражаю.

3. Персоны грата

26 сентября 1945 года, утро, аэродром Нюрнберга

33-летний психиатр из Сан-Франциско Дуглас Келли был призван в армию сразу после окончания вуза в 1942 году. На фронте в его обязанности входила психологическая помощь солдатам, которые явно пребывали не в лучшей форме. У этого человека было какое-никакое знание военных реалий и отличные познания в психологии – потому он был выбран в Вашингтоне на роль психиатра, и именно ему было поручено провести ту самую экспертизу, на которой все-таки настоял Вышинский. Этот бодрый, светловолосый крепыш в вечно приподнятом настроении сейчас держал судьбу процесса в своих руках, кажется, не до конца понимая смысл своей задачи. Ее хотел объяснить ему встречающий его утром на аэродроме Аллен Даллес.

– Доброе утро, мистер Келли! Как долетели? – Даллес протянул руку врачу, тот пожал ее и улыбнулся:

– Спасибо, все хорошо. Как мистер Джексон?

– Он ждет вас во Дворце правосудия. Он просил сказать вам, что работа предстоит трудная – люди, с которыми вы будете работать, совсем не простые...

– Не переживайте, сэр. И мистер Джексон пусть не переживает. Я столько наслушался от наших сломленных физически и морально солдат в годы войны, что мне не привыкать. Что ж, как видно, выпала и мне роль быть священником или врачом, помогая в равной степени тем, кто стоит по разные стороны баррикад...

– Своей работой вы поможете всему человечеству! Едем!

В кабинете Джексона во Дворце собрались главные обвинители стран-участниц: Вышинский от СССР, Франсуа де Ментон от Франции, Джексон и Хартли Шоукросс от Соединенного Королевства. Присутствующие перекинулись между собой и с Келли парой слов, сказав ему что-то вроде напутственного слова, а после Джексон предложил каждому из коллег лично пообщаться с доктором на темы, которые хотелось бы затронуть относительно каждого из обвиняемых. Все обвинители манкировали этим правом, а Вышинский вывел Келли из кабинета и что-то ему нашептал. По возвращении никто не решился уточнить у них предмет тайной беседы – это было бы невежливо, но Даллес уже сейчас заподозрил неладное.

Через час посредством Джексона ему удалось узнать, что Вышинский просил Келли более тщательно разбираться с фигурами четырех подсудимых: Геринга, Гесса, Франка и Розенберга. Доктор сразу приступил к исполнению своих обязанностей, а Даллес вернулся к себе в номер – он хотел поспать. Напомнила о себе очередная бессонная ночь, которую он, как и многие другие, провел в попытках разгадать мудреный советский шифр на газетах... Однако, сна не получилось. Вместо этого он разложил перед собой фотографии тех, о ком сказал Джексон, и стал изучать. Нечто было в этих странных и страшных людях, что особенно интересовало Сталина и его окружение – иначе бы Вышинский не стал их выделять. Возможно, в них кроется что-то, что будет использовано Москвой в качестве козыря для срыва процесса. Вывод? Они что-то знают, чем-то невыгодны, почему-то опасны... Но почему?..

С Герингом и Гессом более-менее ясно – верхушки рейха. А вот остальные двое тут причем? Ответ могли дать только их курикулом-витте...

Информация к размышлению (Ганс Франк). Ганс Михаэль Франк родился 23 мая 1900 г. в немецком городе Карлсруэ. Сын юриста, в 1924 г. в Кильском университете он с большим успехом защитил диссертацию и вступил в так называемое «Общество Туле» – возглавляемую Рудольфом фон Зеботтендорфом оккультную организацию, в которой состояла верхушка

будущего рейха, верящая во всевозможную мистику. А в 1926 г., будучи уже членом НСДАП, начал свою адвокатскую деятельность в Мюнхене с защиты в суде своих однопартийцев, арестованных за причастность к вооруженному конфликту с коммунистами. Надо сказать, что в период с 1925 и по 1933 г. состоялось более 40 тыс. аналогичных процессов, и на многих Франк выступал в качестве адвоката как с той, так и с другой стороны – он вообще был сторонником примиренчества, сглаживания острых углов и всяческого «непротивления злу», так что роль защитника шла ему, в отличие от большинства сановных гитлеровцев, как нельзя лучше. Чего стоит хотя бы тот факт, что уже после 1933 года он многократно обращался к первым лицам рейха с просьбами избавить от казни противников режима? На один из процессов с его участием был приглашен и Адольф Гитлер. Там он выступил в качестве свидетеля. После этого будущий фюрер предложил Франку стать его личным адвокатом и назначил на должность главы юридического подразделения НСДАП. Таким образом, молодой человек начал представлять интересы Гитлера в суде, где выступил защитником на 150 процессах. С 1930 г. адвокат еще и заседал в немецком рейхстаге. Бесконечно доверяя Гансу Франку, Гитлер дал ему тайное поручение, целью которого было доказать у него полное отсутствие еврейских кровей, одновременно назначив рейхсминистром юстиции. Правда, война не дала довести начатое Франком до конца – с 1939 года он назначен гауляйтером Польши.

«...15 сентября 1939 года я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин», – торжественно объявлял Франк о своей почетной миссии. И вот тут-то, в отсутствие прямого тотального контроля со стороны верхушки НСДАП, проявилась его самая характерная черта...

16 декабря 1939 года генерал-губернатор Франк издал декрет о конфискации произведений искусства. В параграфе 3 говорилось: необходимо сообщать о любом частном и церковном художественном произведении с точным указанием вида, характера и количества. Сообщать обязан каждый, кто имел подобные произведения искусства на 15 марта 1939 года, имеет их сейчас или имеет право ими распоряжаться.

Огромная слабость Франка к произведениям искусства была общеизвестна. Франк стремился собрать в своей главной резиденции, каковой был Вавель (бывший королевский замок), и в Кшешовицах под Краковом, где у него была другая резиденция, произведения искусства самого высокого ранга. В конце концов, именно в Вавель попали три самые ценные картины, изъятые в Кракове из коллекции Чарторыйских. Эти картины уехали сначала в Берлин, а оттуда вернулись в Краков, но уже не в коллекцию Чарторыйских, а в Вавель.

Из дневника Ганса Франка. 4 ноября 1939 года, Берлин. Сопровождение с фюрером. О себе Франк пишет в третьем лице. «Фюрер обсуждал с господином генерал-губернатором общее положение, одобрил деятельность генерал-губернатора в Польше, особенно разрушение дворца в Варшаве и вывоз художественных ценностей...»

К докладу польского правительства на Нюрнбергском процессе был приложен список библиотек, музеев, книжных и иных коллекций, которые стали жертвой расхищения и разграбления. Интересно, что думает об отце сын Франка Николас: «Мой отец был высокообразованным человеком, он имел почетное звание доктора наук по юриспруденции, которое он получил в Веймаре. Он мог читать наизусть «Фауста» Гете и знал множество других стихотворений. Он был очень образованным немцем и одновременно жалким преступником».

Жизнь Франка в Кракове, столице генерал-губернаторства, очень походила на цепь торжественных парадов, красивых сельских праздников, теплых встреч с радостными польскими селянами, которые забрасывали Франка цветами, вручали хлеб-соль. А он – в ответ – награждал их орденами и напутствовал на новые трудовые подвиги на благо рейха...

Да, очень нежно относился Ганс Франк к искусству. Для своих резиденций он украл из польских музеев наряду с картинами множество гобеленов, ценной столовой посуды, фарфора,

ваз, подносов и блюд. Франк отличался необузданным тщеславием, и коллеги в насмешку называли его «королем Польши». Своим советникам он поручил выбрать из особого фонда, предназначенного для Линца, наиболее ценные изделия. В марте 1943 года Франк приказал отправить из Варшавы в Краков все первоклассные произведения. Можно сказать, что тем самым он спас варшавские ценности от уничтожения. Но он, конечно, хотел не этого. Франк делает вид, что его очень интересует это новое арийское искусство. Но ни один из экспонатов выставки нового немецкого искусства не попал в его личную коллекцию.

Симпатизировал Франк традиционной живописи, и неудивительно, что, едва приступив к своим генерал- губернаторским обязанностям, он сразу, как говорится, «запал» на одну из самых известных картин Леонардо да Винчи «Дама с горностаем». Картина принадлежала собранию музея Чарторыйских, там были еще два заслуживающих внимания Франка полотна – «Портрет молодого человека» Рафаэля и картина Рембрандта «Гроза». Вместе с другими ценностями картины были реквизированы и услаждали взор генерал- губернатора, которому после акций по уничтожению врагов рейха, несомненно, нужна была релаксация. Позднее Франк распорядился переправить «Даму с горностаем» в свой замок под Краковом для украшения личной выставки, устроенной в марте 1943 года в Вавеле.

Впрочем, однажды это все- таки обернулось ему боком. Это было в разгар войны. Массовые переселения резко ухудшили экономическое и социальное положение в его генерал- губернаторстве. Массовые, зачастую безосновательные расстрелы, проводимые СС и полицией, приводили к росту партизанского движения. Кроме того, СС вмешивалось в дела гражданской администрации генерал- губернаторства и плело интриги против Франка... Так всегда бывает, когда дела в целом в королевстве оставляют желать лучшего – крысы бегут с тонущего корабля и не щадят друг друга в борьбе за существование. И тут козырем Гимmlера против Франка стала именно любовь последнего к культуре и вытекающая из этого коррупция!

Одно время, казалось, Гимmlер одержит верх в данном противостоянии. Франк предстал перед инквизиционным трибуналом в составе Гимmlера и Бормана. Под давлением серьезных обвинений ему пришлось пойти на значительные уступки. Но вернувшись в Краков, он тут же отказался от почти всего сказанного на трибунале. Более того, он охарактеризовал донесения СД, на основании которых строилось обвинение, как «составленные на основе измышлений шпииков доносы, не имевшие ничего общего с реальной действительностью и представлявшие собой продукт ненависти в отношении государственной работы, проводимой в генерал- губернаторстве». Настоящую же войну против СС Франк начал после того, как узнал, что начальник СС и полиции Люблина Одило Глобочник начал выселение поляков для последующего поселения на освободившихся землях немцев. В своих публичных выступлениях он начал говорить о необходимости возвращения Германии в «правовое поле». За это Гитлер снял Франка почти со всех должностей, однако отставку с поста генерал- губернатора не принял – в ту пору, в конце войны должность эта виделась кандидатам уже очень и очень незавидной...

«Да, – подумал Даллес, рассматривая фотографию Франка – красивого, опрятного, подтянутого человека, производящего впечатление скорее заправского денди и ценителя искусства, чем нацистского палача. – Уж никак не скажешь, что человек этот причастен к преступлениям на территории оккупированной Польши и массовым казням... Резонируют с описанным в обвинительном заключении и его фразы... «Я внёс предложение положить конец системе концлагерей, и чем раньше, тем лучше. Дальнейшие аресты должны быть прекращены немедленно. Дела лиц, находящихся под стражей, следует проверить узаконенным порядком и разобратсья с жалобами в отношении издевательств и надругательств...» «Фюрер, поддержи правозащитников!» «Никогда не должно возникать полицейское государство, никогда! Такое я отрицаю. Как национал- социалист и руководитель немецких правоведов, считаю своей обязанностью выступить против постоянного поношения права и его защитников в любой форме.

Я протестую против того, что какое-либо правовое положение подвергается беспардонному критицизму и нападкам...» «Ни одна из империй не существовала без соблюдения законности и прав, а тем более выступая против них. Народом нельзя управлять грубой силой, жизнь его в бесправном положении немислима... Недопустимо, чтобы в государстве член общества лишался чести, свободы, жизни и собственности без предъявления ему соответствующего обвинения и судебного разбирательства...»

Он встал, прошелся по комнате, подошел к окну, из которого открывался вид на Дворец правосудия. Осень упорно не желала приходить, радуя нюрнбержцев вторым и даже третьим бабьим летом. Листья на деревьях уже подернулись желтизной, но, казалось, цвет этот стал следствием не усталости, сухости и недостатка влаги, свойственных флоре в это время года, а палящего солнца и тепла, сжигающих всю растительность будто самым жарким летом. Надо же, подумал разведчик, если бы Франк и такие как он все-таки одержали бы победу в войне, ничего этого на значительной площади земного шара не было бы – и уж, во всяком случае, в Польше, где он губернаторствовал. Только здесь, в Нюрнберге, все было бы по-прежнему...

Почему? Да потому что Франк, а не кто другой произнес, наряду с вышеприведенными философско-правовыми догматами, и такие слова: «Евреев необходимо уничтожить, где бы они нам ни встретились. Всех польских евреев мы не можем расстрелять или отравить газом, поэтому необходимо изыскивать средства для их уничтожения в больших количествах...» «Мы удержим генерал-губернаторство и более не отдадим его... Я открыто признаю, что наше правление здесь будет, возможно, стоить жизни нескольким тысячам поляков, в особенности из числа их духовной элиты... Мы ликвидируем сложившееся положение вещей в стране, осуществив это самым простейшим способом... Речь главным образом идет о том, чтобы выполнить великую национал-социалистическую миссию на Востоке. Поэтому нашей целью не будет создание здесь правового государства... Тот, кто станет казаться нам подозрительным, будет сразу же ликвидирован...» «С Польшей следует обращаться, как с колонией. Поляки станут рабами Великой Германской империи!»

Конечно, может быть, его тонкая натура протестовала против гитлеровских методов, но ведь он был плоть от плоти система! Если и возражал, то негромко и в пределах дозволенного. Если и протестовал, то вполголоса и только в специально отведенных местах. Если и бунтовал, то только, защищая себя самого. В отличие от тех же Канариса и Шахта, не принимал никакого участия в заговорах против Гитлера, ибо боялся за собственное благополучие. Так что суду подлежит однозначно! Но не расправе, а именно суду, так как, конечно, не может его кара совпадать с той, которой подлежали бы Гиммлер или Геринг. Но и совсем избежать наказания как недееспособное лицо он тоже не должен...

Совсем другое дело – Розенберг.

Информация к размышлению (Альфред Розенберг). У Альфреда Эрнста Вольдемаровича Розенберга (так его называли до 1923 года, о чем свидетельствуют записи в свидетельстве о рождении и паспорте) родным языком был русский. Будущий идеолог немецкого национал-социализма родился 12 января 1893 года в Ревеле, административном центре Эстляндской губернии Российской империи. Его отец Вольдемар Вильгельм Розенберг – остзейский немец, занимался пошивом обуви (по другим данным торговец). Мама была родившаяся в Петербурге Эльфрида Каролина Зире, происходившая из семьи переселившихся в Россию французских гугенотов. Правда, она умерла всего через два месяца после его рождения. Окончательно он осиротел в возрасте 11 лет. Воспитывали его тетки, которые очень любили его и часто баловали. Учился он в местном реальном училище, где больше всего было немцев, но учились и русские, а меньше всего эстонцев. Лучшее всего ему давалось рисование, по приказу инспектора училища, его рисунки эстляндской усадьбы Петра Первого повесили в богатых рамках на

стены училища. Когда в 1942 году Альфред Розенберг приезжал в Таллин, они висели на прежнем месте. В запасниках музея искусств Эстонии хранится его рисунок «Лестница» (1918).

В 1910 году он поступил на архитектурный факультет Рижского политехнического института. Во время Первой мировой войны перевелся в Московское высшее техническое училище, которое закончил в 1918 году. В русскую армию его не призвали, поскольку у него, как студента была бронь. В 1918 году он вернулся в Ревель, который примерно через две недели захватили немцы. Розенберг хотел записаться в германский добровольческий корпус. Однако попытка не удалась, ему объяснили, что "русских" не принимают.

В оккупированной немцами стране жить было тяжело, Альфред Розенберг не имел постоянной работы. Иногда зарабатывал частными уроками рисования и изредка продавал свои пейзажи старого Ревеля. Вскоре его жена выехала на лечение в Германию, и Розенбергу с большим трудом тоже удалось получить разрешение на выезд.

В 1919 году в Мюнхене он познакомился с Дитрихом Эккартом, издателем националистического журнала, где вскоре начал печатать свои антисемитские статьи. Он вступил в оккультную организацию "Общество Туле" и вскоре его познакомил с Адольфом Гитлером. Альфред Розенберг оказал большое влияние на формирование взглядов будущего фюрера, особенно касающихся евреев и русских. Он познакомил Гитлера с "Протоколами сионских мудрецов" и не раз говорил ему, что революция в России и Первая мировая война произошла вследствие мирового еврейского заговора. В эти годы вышли и первые книги Альфреда Розенберга, развивающие его взгляды на развитие истории, как борьбу рас. Он все активнее занимался политической деятельностью, стал главным редактором партийной газеты.

Вообще литературная и публицистическая деятельность всегда занимали важное место в жизни идеолога – с 1919 года до сегодняшнего дня он вел дневники, в которых большое место уделял жизни верхушки рейха и распрям вокруг нее, а в октябре 1930 года вышло главное произведение Альфреда Розенберга "Миф 20 века", ставшее почти официальным идеологическим пособием членов нацистской партии. Книга за время существования Третьего рейха была издана общим тиражом более миллиона экземпляров. Она распространялась национал-социалистической партией по любому существенному поводу, а предложенные лозунги активно обсуждались. Внимательно изучали ее только нацистские партийные функционеры в поисках подходящих лозунгов или идеологи оппозиции, которые искали слабые места в настольной книге нацизма. Хотя Розенберг показывал рукопись Гитлеру и получил его одобрение на ее издание, Гитлер не раз говорил своим близким соратникам, что книга, написанная "самоуверенным прибалтом", совершенно скучная и сумбурная. А между тем оттуда родом – вся расовая теория Гитлера. Не исключено, что именно зависть малограмотного художника к художнику образованному, который смог опередить фюрера в формулировке основных постулатов нацизма стала причиной столь резкого высказывания... Любопытными в этой книге Даллесу показались взгляды Розенберга на Россию, которые были близки тем, что имел он сам. О России русский гитлеровец писал, что только основание ее викингами дало государственность и позволило развиваться культуре. Однако в революцию 1917 года нордическая часть русской крови проиграла борьбу восточно-монгольской, объединившись, китайцы, жители пустынь, евреи и армяне прорвались к власти, поставив правителем калмыко-татарина Ленина. Хорошо зная русскую литературу, Розенберг пишет, что Достоевский, восхваляя русского человека, как будущее Европы, все равно видит, что страна отдана демонам...

Но это все наука. За науку не судят. Судят за другое. С 1940 года он занимал должность министра по делам оккупированных восточных территорий. Под его «чутким» руководством разграблялись территории, еще вчера бывшие его родиной. В рабство угонялись люди, уничтожались и похищались культурные и материальные ценности, Восточная Европа превращалась в выжженную степь. 9 мая 1941 года Альфред Розенберг получил одобрение у Адольфа Гитлера предложенным планам по расчленению Советского Союза. В его дневниках есть запись,

что фюрер дал ему задание управлять Россией. В одном из документов его ведомства было написано, что миллионы людей умрут или должны будут переселиться в Сибирь. Ключевые пункты программы по расчленению Советского Союза – это организация местных националистических правительств. По его мнению, чтобы не бороться со 120 миллионным населением страны, нужно, чтобы одна часть людей боролась с другой под присмотром нацистов. Непосредственно для управления отдельными регионами были созданы пять комиссариатов, которые должны были подчиняться непосредственно Розенбергу. Однако к работе успели приступить только несколько административных управлений в Центральной России и Кавказе. Розенберг оказался бездарным администратором, и контроль над оккупированными территориями перешел к другим нацистским ведомствам.

Главное, благодаря чему он «отметился» в истории рейха – это идеологическая составляющая его работы. Расовая теория, теория борьбы за существование и подбора внутри колоний рейха и населяющих их народов, идея исключительности одной расы и вытекающей отсюда допустимости для нее уничтожать и поработать других – все это его произведение. Конечно, сам он не убивал, но вина его даже больше, чем у палачей – он их вдохновлял и направлял, а без этого направления даже отъявленному головорезу не вложишь в руки оружие!

«Но все же – почему он? – метался Даллес. – На руках, скажем, Кальтенбруннера, Зейс-Инкварта или Штрейхера крови в разы больше, в том числе и советской! Месть ненавидимому русскими прибалту со стороны русских? Да ну, бред. Сталин ничего просто так не делает... И почему Франк? Что между ними общего? «Общество Туле»? Некая магическая связь, афишировать которую не хотят русские? Тоже абсурд... И все-таки, почему оба эти персонажа так занимают Вышинского, а значит, Сталина? С одной стороны, и Франк, и Розенберг в годы войны работали на территории Восточной Европы, к разделу которой Сталин питал и питает особый трепет и с разделом которой связывает надежды, но... этого мало. Может, они знают что-то о его интересах там? Франк как гауляйтер Польши, а Розенберг как картограф Восточной Европы вообще могли выполнять какие-то тайные указания Гитлера в отношении раздела этих территорий, которые как-то касались Сталина. Но какие указания? Как касались? Что они знают такого, что никак не хочет придавать огласке советская сторона?..»

Одни вопросы. Как знать, думал Даллес, может вечерний отчет Келли что-нибудь, да даст? Конечно, он не обязан был отчитываться о своих беседах с подсудимыми устно и гласно, но наверняка сделает это – вопрос вменяемости подсудимых не терпит отлагательства!

Уже вечером психиатр в компании делегатов докладывал в ресторане «Гранд-отеля» о своих успехах. Даллес отошел подальше, чтобы не злить лишний раз и без того не расположенного к нему Вышинского, но, несмотря на это, отчетливо слышал громкую речь подвыпившего доктора.

– Идиоты! – всплескивал руками Келли, окруженный толпой обвинителей. Тех, понятно, интересовал внутренний мир полуживотных-полулюдей, с которыми завтра предстояло работать в рамках процесса, а кто, кроме психолога, мог охарактеризовать его лучше? Келли же самому впору было примеривать на себя лавры прокурора, так ярка и эмоциональна была его, подбодренная алкоголем, речь. – Как доктор вам заявляю, они явно ненормальные!

– Было бы странно, если бы вы сказали, что они абсолютно нормальны! – поддержал его второй обвинитель от Великобритании, Максвелл Файф. – Разве может нормальный человек сотворить такое?!

– Определенно, нет. Но обо всем по порядку, господа... Сегодня я встретился с Франком и Розенбергом. Что касается Франка, то человек этот исполнен противоречий. В разговоре он старается уходить от своей роли в нацистской партии и государстве и все время говорит о том, что был противником тех или иных решительных мер, предпринимаемых Гитлером.

Старался, дескать, сглаживать острые углы, сокращать применение смертной казни, делать саму юридическую процедуру максимально гуманной и правовой... На что я начал приводить неопровержимые доказательства тех бесчинств, что творились в Польше в период его генерал-губернаторства. Да что бесчинств, кровопролитий! И какую, вы думаете, он избрал тактику? Перевел тему. Сказал, что его, человека тонко чувствующего, поклонника искусства, заперли в маленькую тесную камеру и пытаются только потому, что он занимал в рейхе номинальную должность, а сам только и делал, что воевал с Гиммлером!

– Обычная тактика, – процедил главный обвинитель от Британии, Хартли Шоукросс. – Надо же ему как-то защищаться. Что тут неадекватного?

– Неадекватна именно психологическая картина его личности. Конечно, он был поклонником искусства, и правоведом был, и даже миротворцем, в каком-то смысле слова. Но почему тогда позволял твориться геноциду в Польше?

– Должность такая...

– Я не об этом. Что внутри него позволяло ему подписывать расстрельные списки и провозглашать идеологию уничтожения польских евреев? Вот возьмем личность Франка. Она дуалистична. Франк настоящий, потомственный юрист, тонко чувствующий человек и ценитель искусств. Он далек от кошмара и мерзости концлагерей и «четырёхлетних планов». К ней близка вторая личность – палача и садиста. Конечно, вы можете мне возразить, можете сказать, что он становился двуликим Янусом, когда речь шла о его обогащении и ради собственных выгод. Но нет, господа. В таком случае он в разговоре со мной смело валил бы вину на других, а сам бы прикрывался ширмой обогащения и выполнения приказов. Он же избрал совершенно другую тактику. Он уходит от ответов на эти вопросы. Подменяет ответы иными, удобными себе, а вернее, той, первой личности. Прячется от них за ширму «ценителя высоких искусств». Значит, что? Значит, налицо раздвоение, то бишь шизофрения...

– Однако... – зароптала прокурорская братия.

– Да сами подумайте – ну разве столь тонкий человек мог без ущерба для совести творить то, что творил мясник – губернатор Польши?

– А что скажете насчет Розенберга?

– Тут все ясно, – присвистнул Келли. – Маньяк в чистом виде. Не забывайте, что он – главный идеолог нацизма и расовой теории!

– А как же Геббельс? – округлил глаза Макссуэлл Файф.

– А что Геббельс? Он рупор. Всего лишь журналист. Всего лишь редактор газетенки. Он только возвещал то, что сочинял Розенберг, который в вопросах идеологии самому Гитлеру не уступал! Однако, никто из вас, господа, не будет спорить, что идеология сия утопична и ужасающа, а потому не могла быть создана человеком нормальным?!

Прокуроры замаялись. Келли продолжал аргументировать:

– До последнего, едва ли не до ареста, отказывался подписать приказ о расформировании своего министерства. До сих пор считает себя преданным партии и фюреру. Именует себя истинным наци. Только и говорит, что о расовой теории и исключительности арийцев. Рассуждает о первенстве в создании идеологической основы нацизма – мол, первым полноценным учебником была гитлеровская «Майн кампф» или его «Миф XX века»? И это – в ситуации, когда каждый день для него может стать последним, благодаря как раз этим, с позволения сказать, работам! Он неисправим. Действительно, сумасшедший, который еще верит в оправдание нацизма, в его реабилитацию и пересмотр итогов войны.

– А во что ему еще верить при таких обстоятельствах? – задумчиво спросил неуступчивый Шоукросс.

– Нормальный человек принимает действительность – относясь к ней критически или нет, но все же не утверждает, что черное – это белое. Только ненормальный реальность отрицает. Розенберг отрицает. Это можно объяснить каким угодно стрессом – все мы их на войне

пережили немало, но, тем не менее, никто из нас не прячет голову в песок. А выводы делайте сами...

– По- моему, тут все ясно, – отрезал Вышинский, сжимая в руках бокал виски. – Этих людей надо лечить. Долго и принудительно. И ни о каком суде над ними, тем более международном, речи быть не может.

– Вы про этих двоих или..? – уточнил Джексон.

– Про всех.

– Вот как? Без экспертизы в их отношении?

– Чтобы понять, что мясо тухлое, необязательно доедать весь кусок до конца! – отрезал Вышинский. – Сегодня мы увидели двоякую личность в одном, завтра в другом. Покойный Лей тоже был поклонником искусства и, говорят, с Сальвадором Дали дружил. И что это означает? Что внутри каждого из них боролись зверь и человек. Что ни одного нельзя признать до конца психически полноценным, абсолютно вменяемым. Что все они – слуги дьявола в самом извращенном исполнении, и нет такого человеческого закона, которым можно их судить. Они все невменяемые. Тут я согласен с доктором, хоть наши страны и разделяет идеологическая пропасть. Кому, как не психиатру, делать выводы? И причем, американскому, как вы и настаивали! Он прав в том, что не мог нормальный человек соорудить такую теорию. Не может отрицать действительность. Не может подавлять голос одной личности голосом другой. А учреждать и лицезреть газовые камеры? Горы трупов? Реки крови? Может? Никогда в жизни! Так что, полагаю, коллега, этот раунд вы мне проиграли...

– И все же двоих мало, – отнекивался Джексон. – Отцами- основателями, как у нас говорится, все же здесь выступают Геринг и Гесс, и до бесед с ними...

– Воля ваша, воля ваша, – воздел ладони к небу Вышинский. – Конечно, доктору будет предоставлено такое право...

К Даллесу, молча лицезревшему картину из угла комнаты, подошел администратор гостиницы и пригласил к телефону. На том конце провода был полковник Эндрюс, начальник тюрьмы.

– Мистер Даллес? Это Эндрюс.

– Слушаю вас, полковник.

– У нас тут произошел небольшой инцидент, я подумал, вы должны быть в курсе. Сержант Коннор избил Геринга.

– Как избил? За что?

– Тот что- то невежливое или даже оскорбительное буркнул в адрес советского журналиста Халдея. Коннор не сдержался и ударил его несколько раз палкой по шее...

– Геринг в порядке?

– Да, ему оказана помощь.

– А Коннор?

– Дело как раз в нем... Видите ли, я позвонил не просто так. За несколько часов до инцидента Коннору принесли несколько советских газет. Во время обеденного перерыва он внимательно их изучал, рассматривал... Очевидно было, что настроение у него испортилось. А потом случилось это...

– Спасибо, полковник, вы оказали мне неоценимую услугу...

Вернувшись к себе, Даллес стал анализировать все, увиденное и услышанное за день.

«Итак, советская сторона всеми силами не хочет допустить процесса. Для этого она добилась проведения экспертизы обвиняемых, и в первую очередь по какой- то причине хочет сделать это с Герингом, Гессом, Розенбергом и Франком. Эти четверо явно знают нечто, что при определенных обстоятельствах может быть невыгодно Сталину... Для этой цели они избрали глуповатого эксперта Келли, который ретиво взялся проводить в жизнь их точку зрения о

невменяемости и, следовательно, неподсудности обвиняемых. Розенберг и Франк подпали в его понимании под эту категорию, а остальные – большой вопрос. Чтобы ответить на него утвердительно, оставшихся двоих надо запугать – поэтому советский шпион Коннор и избил Геринга. Думаю, что даже на глазах у Гесса... При этом идея о его допросе отпадает – показывать шпиону интерес к его персоне нельзя ни в коем случае. А вопросы есть... Вопрос первый – какое тайное знание объединяет этих четверых? Вопрос второй – так ли бескорыстно наивен Келли, как мы думаем?»

Ответ на первый вопрос занимал Даллеса более всего. Что-то подсказывало ему, что, найдя его, разрешить второй будет делом техники. Он задумался... Мысли о Франке и Розенберге не привели к искомому ответу. Значит, надо копошиться в личностях Геринга... отвратительный тип... и Гесса... Так, стоп! В отношении последнего сведений не так много, и они противоречивые, но есть человек, который определенно много о нем знает и может внести в них ясность.

Даллес поднял трубку телефона и заговорил:

– Дайте телеграф, пожалуйста... Телеграф? Телеграмму от имени Аллена Уэлша Даллеса, за счет комендатуры... Лондон, Уопинг, редакция «Сандей Таймс», мистеру Яну Флемингу. Дорогой Ян вскл зн Меня Нюрнберге возникли трудности части определения вины Гесса тчк Прошу тебя сообщить мне сюда известные тебе сведения том что происходило после его прилета Англию весной 1941 года тчк Конфиденциальность гарантирую зпт жду полного развернутого ответа тчк Твой Аллен Даллес...

Положив трубку, Даллес подумал о давнем друге и коллеге, который часто помогал ему и на помощь которого он и сейчас так рассчитывал. Англичанин Ян Флеминг из МИ-6 в годы войны выполнял секретные задания английской разведки. Потом председательствовал на англо-американском конгрессе спецслужб на Ямайке, где они и познакомились. Он точно знал, что происходило за стенами Тауэра в майские дни 1941 года, когда Гесс, неожиданно и странно для всех, никому ничего не объясняя, вылетел из Германии в Англию и остался там до конца войны. В этом демарше, думал разведчик, и кроется тайна отношения СССР к Гессу, а следовательно, и к остальным интересующим их персоналиям. А может, и много других тайн, о которых пока никто ничего не знает...

4. Персоны нон- грата

Информация к размышлению (Рудольф Гесс). 10 мая 1941 года в 17 часов 45 минут, Рудольф Гесс, правая рука фюрера и «наци № 2», одетый в форму капитана люфтваффе, сел в кабину истребителя Me- 110 и поднялся в воздух. Сначала его полёт проходил над Северным морем, потом он вошёл в воздушное пространство Великобритании. Появление в небе над островами одинокого немецкого истребителя стало для британцев полнейшей неожиданностью, и на его перехват были подняты три английские машины. Однако они элементарно не нашли немецкого пилота в воздухе, так как поднялась облачность, а опытный Рудольф Гесс занял эшелон на чрезвычайно низкой высоте. У немецкого лётчика была и ещё одна причина лететь на столь низкой высоте – он искал поместье герцога Гамильтона Дангавел- хаус, где имелась небольшая взлётно- посадочная полоса. Когда же наступила ночь, Гесс понял, что найти полосу ему уже не удастся. Ранее он никогда не прыгал с парашютом, но другого выхода не было. Этот эксперимент чуть не стоил лётчику жизни – он просто не мог открыть кабину истребителя.

Тогда Гесс решил перевернуть самолёт кверху брюхом и попытаться просто вывалиться из кабины. Но и это удалось далеко не сразу – колпак по- прежнему не открывался. В конце концов лётчику всё- таки удалось открыть кабину и на высоте две тысячи метров покинуть самолёт. Сама машина тут же ушла в глубокий штопор. Как впоследствии вспоминал английский фермер Дэвид Маклин, в 23 часа 12 минут он услышал взрыв и выбежал из дома. Невдалеке догорал самолёт, а на поле он увидел человека в форме германского офицера. Незнакомец представился капитаном Альфредом Хорном и на хорошем английском языке спросил, не здесь ли поместье герцога Гамильтона. Фермер ответил, что оно находится на расстоянии 12 миль, а сам тут же позвонил в ближайшее отделение ПВО. Оттуда быстро приехали военные и без особых усилий задержали немецкого лётчика.

Никакого сопротивления он не оказывал. «Хорна» отправили в ближайший полицейский участок и заперли в одиночной камере. На следующее утро Рудольф Гесс потребовал встречи с герцогом Гамильтоном, сообщив, что у него есть сведения чрезвычайной важности. Настоятельное желание встречи именно с герцогом было связано с тем, что они были лично знакомы ещё до войны и встречались на Олимпиаде 1936 года. 11 мая Гамильтон приехал в участок, и лишь ему странный лётчик признался, что он Рудольф Гесс. После этого герцог специально встретился с премьер- министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и сообщил, что к ним прибыл третий человек в рейхе. Они проговорили до глубокой ночи, однако премьер решил от встречи с Гессом уклониться. Он лишь распорядился держать немецкого генерала в полной изоляции, но обращаться с ним хорошо, так как столь высокопоставленного узника Британия ещё не знала. Кстати, тогда же премьер распорядился, чтобы Рудольф Гесс оставался в плену вплоть до конца войны, и тот стал последним узником Тауэра.

Материалы его допросов были, разумеется, засекречены. Оставалось только вникать в логику и мышление этого человека, чтобы понять цель его вылета...

Он родился в Египте в 1894 году. Отец его был крупным торговцем. Когда мальчику было 14 лет, семья переехала в Германию и жила довольно хорошо, пока проклятая война не внесла в ее жизнь свои коррективы... Юному Гессу не терпелось броситься в бой. Он проявил себя как артиллерист и пехотинец, в декабре 1918 года демобилизовался лётчиком военно- воздушных сил, удостоившись военной награды – Железного креста 2- го класса. Впоследствии, как видим, именно этот его талант лётчика сыграет с ним в жизни столь злую шутку.

Война подкосила материальное благополучие семьи Гесс. Бизнес, так бережно хранимый отцом семейства, конфисковали, и он оказался не в состоянии материально поддерживать детей. Ветеранам войны предлагали бесплатно получить образование, и 25- летний Рудольф

Гесс поступил в Мюнхенский университет на экономиста, где познакомился с будущим соратником Германом Герингом.

В декабре 1927 года, после 7-летних отношений, Рудольф Гесс взял в жены Ильзу Прэль. Немец испытывал нежные чувства, сочинял для нее стихи. Однако в переписке с подругой Ильза писала: «Что касается супружеских обязанностей, я иногда чувствую себя ученицей монастырской школы». Единственный сын, Вольф Рюдигер Гесс, родился спустя 10 лет брака, 18 ноября 1937 года. Его крестным отцом стал лидер Третьего рейха. Ильза была единственной женщиной Гесса, но современники подозревали мужчину в нетрадиционной сексуальной ориентации. Друзья Гитлера подшучивали над интимными отношениями двух немцев, дали Рудольфу прозвище «фрейлейн Гесс» из-за его влюбленного взгляда.

И впрямь их отношения были очень крепкими. В 1919 году Гесс оказался на встрече общества Туле – опять эта мистическая контора! – где обсуждалось превосходство арийской расы. Националистические и антисемитские идеи, звучавшие в стенах общества, определили вектор жизни будущего руководителя гитлеровской Германии. А с предводителем этого государства Рудольф познакомился 19 мая 1920 года на собрании Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). По воспоминаниям супруги Гесса, после судьбоносной встречи молодой человек сказал: «Если кто и освободит нас от Версаля, то это будет этот человек». Рудольф Гесс и Гитлер сразу нашли общий язык: оба презирали общество за поражение в Первой мировой войне, оба ненавидели строй, в котором жили – Веймарскую республику. Мужчины сразу сблизились, а Рудольф и вовсе ни на шаг не отходил от будущего создателя Третьего рейха. Позже, в ноябре 1923 года, руководствуясь высшими чувствами в отношении Адольфа, Гесс предпринял попытку захватить власть. Операция получила название «Пивной путч». В итоге оба оказались в Ландсбергской тюрьме. Там и родилась книга «Моя борьба» («Mein Kampf»), написанная ими, по сути, в соавторстве.

В январе 1925 года немцы оказались на свободе, и Гесс после неоднократных просьб Гитлера, поступил к нему на службу секретарем. Рудольф оказался незаменим: сопровождал фюрера в поездках, успокаивал перед выступлениями, составлял расписание встреч, заботился о рационе и режиме сна. Попасть на встречу к Гитлеру было невозможно без согласования с верным помощником. Во многом благодаря Гессу в 1933 году фюрер пришел к власти и сразу назначил его своим первым заместителем. В 1939 году это место занял Герман Геринг.

Перу Гесса принадлежат печально знаменитые Нюрнбергские расовые законы 1935 года – «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести». Именно на их основании с 1933 по 1945 годы жизни и благосостояния лишились миллионы евреев на оккупированных территориях!..

Идеи Гитлера о завоевании территорий крепились день ото дня, и нацисты начали подготовку ко Второй мировой войне. Фюрер видел в Великобритании надежного союзника, а потому предложил заключить соглашение: Германия должна занять место господствующей европейской державы, а Великобритания – вернуть немецкие колонии. Решение принято не было, и тогда Гесс задумал «Миссию мира». Но для этого нужно было переступить через запрет Гитлера не покидать страну до конца военных действий.

10 мая 1941 года Рудольф Гесс тайно вылетел в Шотландию. Через помощников он передал Гитлеру письмо, начинающееся словами: «Мой Фюрер, если Вы получили это письмо, я нахожусь в Англии». Когда Гитлер получил записки приближенного, впал в ярость – поступок Гесса мог поставить под удар налаженные с союзниками связи. Бывшего секретаря фюрера объявили сумасшедшим, который якобы бежал из страны и разбился при перелете. Имя Рудольфа, его фото, портреты, бюсты «стерли» с «лица» Германии, а самого немца называли предателем. «Воскрес» он только здесь, в Нюрнберге, осенью 1945 года, где, наряду с Герингом и прочими, оказался на скамье подсудимых...

Даллес не верил в «Миссию мира». «Полная чушь, – думал американец. – В разгар боевых действий одно из высших должностных лиц вдруг решает протянуть руку помощи Британии для совместной борьбы с Советами. И это – в то время, когда Британию бомбят денно и нощно, когда она уже обозначила свою позицию в войне, а перевес в ней – на стороне гитлеровцев, то есть формально они не имеют никаких посылов для участия в переговорном процессе! Нет, Гессом двигало нечто другое...»

Но что? Ответ на вопрос принес телефонный разговор Даллеса с Яном Флемингом, который поспешил откликнуться на просьбу друга на второй день после получения телеграммы.

– Видишь ли, Гесс действительно прилетел, чтобы заключить своего рода мир. Но этот мир исходил не от Гитлера. Это должен был быть мир за его спиной. Гитлер к тому моменту очень плотно сошелся со Сталиным в вопросах раздела Европы...

– Ну да, это и не понравилось окружению фюрера, которые предпочитали в союзниках видеть англичан...

– Чушь собачья, и ты это знаешь, – отрезал Флеминг. – Не понравилась им не дружба их босса со Сталиным, которому все они порядочно пятки лизали последние 10 лет. Как раз наоборот. Сталин перед войной в России устроил колоссальную по масштабам борьбу за власть. Почти всех конкурентов прикончил, но все равно проигрывал, куда жив был его оппонент Троцкий, высланный им в Мексику и позже убитый. Предотвратить падение его рейтинга могла война... Они тогда с Гитлером здорово сдружились, и Сталин, осведомленный о захватнических планах своего приятеля, решил использовать начавшуюся агрессию в целях укрепления своих позиций. Войну надо было начать, но быстро развернуться – на допросах Гесс говорил нам именно это. Так гласила первая редакция плана «Барбаросса»!

– Ну и ну! – присвистнул Даллес. – Получается, Сталин должен был – как на договорном матче по боксу – условно «победить» Гитлера и сразу стать на Родине притчей во языцех?

– Точно. Но в процессе подготовки к нападению на Союз аппетиты Гитлера выросли. Он решил повоевать по-настоящему... Гесс понял, что в СССР Германия завязнет, и ринулся в оппозирующий лагерь в поисках спасения если не для всей Германии, то хотя бы для самого себя. Но просчитался...

– Очень интересно, – задумался Даллес. – Скажи, а как Гесс и Геринг, которые наверняка знали о таком решении Сталина и Гитлера, могут быть связаны с восточноевропейскими интересами этих двоих? Конкретно, с Польшей и Прибалтикой?

– А к чему это? – не понял вопроса Флеминг.

– Видишь ли, мне кажется, Сталин ведет планомерную игру по устранению Гесса, Геринга, Розенберга и Франка из процесса. Насчет Геринга понятно – все-таки второй человек в рейхе, его надо устранить во что бы то ни стало просто в целях справедливости. Относительно Гесса ты мне сейчас раскрыл глаза. Но причем тут Розенберг и Франк, которые всю войну только и занимались, что Восточной Европой?

– А по-моему, связь прямая, – отчеканил англичанин. – Со стороны, сам понимаешь, виднее. Рассуди логически: Гесс и Геринг знают не просто о внешнеполитических интересах Сталина и его сговоре с Гитлером касаясь Польши. Они знают еще и то, как этот сговор готовился. Какие малоприятные обстоятельства его сопровождали, о чем те кулуарно трепались и какие гнусности планировали. Розенберг и Франк знают, как именно эти гнусности претворялись в жизнь...

– А почему тогда, к примеру, не Риббентроп? Он – министр иностранных дел. Он об этом не знает?

– Риббентроп, конечно, знает. Но, при всех своих тайных познаниях, он располагает сведениями только о надводной части айсберга. Он претворял внешнеполитические решения в жизнь, но как эти решения готовились и исполнялись, он понятия не имеет – должность не такова. Его показания сами по себе, в отрыве от показаний этих людей, располагающих более

четкими и детальными сведениями, ничего не значат. Ну скажет он о существовании тайных соглашений – а кто скажет о том, как именно они исполнялись? Только те, кто, стоя за спиной фюрера, принимал решение об их подписании и те, кто, в бытность свою высшими должностными лицами рейха в Восточной Европе, их реализовывал. И следил за тем, как реализует их вторая сторона... Ты ведь отлично знаешь, что о разделе Восточной Европы у Сталина с Гитлером были договоренности задолго до войны...

Конечно, Даллес знал о секретных протоколах к советско-германскому пакту 1939 года о ненападении, согласно которым в случае начала войны (о которой Гитлер предупредил Сталина) Советскому Союзу, в обмен на невмешательство в ее ход, будут предоставлены щедрые отступные в лице части Польши и всей Прибалтики. Но в канун процесса союзники договорились, что пакт этот освещаться не будет. Соответственно, вопрос секретных протоколов был вроде как закрыт. «Вроде как» – потому что в официальном коммюнике на тему пакта советская сторона ничего не говорила об их существовании, хотя по разведывательным каналам их существование давно уже было доказано. В то же время они были частью пакта, и освещать их, наплевав на договоренности с СССР, никто из союзников не решился бы. Чтобы убедить комитет обвинителей сделать это, Даллесу следовало доказать, что СССР активно пытается сорвать процесс. Ему, может, это и не надо было, вот только действия Москвы, все активнее пытающейся избежать публичной огласки действий нацистов, настораживали и подсознательно толкали к этому – хотя прямых и четких доказательств у него пока не было. Что ж, неплохо было уже то, что Флеминг примерно сориентировал его на места их поиска.

Искать их надо было в отношениях Германии и СССР, зародившихся перед войной. Поняв их суть, можно было понять, чего так бояться Советам, что именно из пакта 1939 года может сильно скомпрометировать их международный облик?

Например, то, что Германии в деле порабощения Восточной Европы без помощи Советов было не обойтись, и помощь эта вероломно была предоставлена – целых 2 года Москва не вмешивалась в войну, почивая на лаврах аннексии обещанных ей Балтии, Бессарабии и Северной Буковины. То, что война началась 1 сентября 1939 года – на следующий день после того, как Верховный Совет СССР ратифицировал договор между Москвой и Берлином. И то, что Сталину в деле борьбы за власть война эта была бы на руку, не реши Гитлер изменить свои планы. Это все, конечно, не красило Москву, но и поводов так сильно переживать, что те факты, об умолчании которых она договорилась с Лондоном и Вашингтоном, вдруг всплывут, у нее не было. Значит, речь шла о чем-то более серьезном... Как знать, может допрос этой четверки что-то бы прояснил, но сейчас так обнаруживать себя и интересы противной стороны было бы опасно, да и гарантий, что они захотят откровенничать после тех номеров, что вытворяла с ними завербованная Москвой охрана тюрьмы Дворца правосудия, не было никаких. Разведчику оставалось ждать, хотя больше всего в жизни он ненавидел две вещи – ждать и догонять.

Правда, ждать оставалось недолго. Утром следующего дня доктор Келли сделал официальное письменное заключение о невменяемости подсудимого Круппа. На обеде он произнес в компании своих приятелей – прокуроров – следующее:

– Помимо Круппа и тех, о ком мы говорили накануне, среди подсудимых есть люди, чья ненормальность написана у них на лбу и не может вызвать ни у кого сомнений и нареканий.

– Кто, например? – уточнил сварливый и придирчивый Шоукросс.

– Штрейхер.

– Штрейхер?! – понятно, что такое высказывание Келли, словно бы предупреждающее его оппонентов и прощупывающее почву реакции, не могло остаться не ответченным со стороны своенравного и упрямого британца. – С ним-то что не так? Ладно, Крупп, глубокий старик, который уже не помнит собственного имени и имени собственных детей, но Штрейхер – идеолог антисемитизма...

– Ну и что? – спокойно парировал Келли. – А какая связь между его личностью и тем, за что он в рейхе отвечал? Согласитесь, если бы на всех важнейших постах в этом государстве были бы сплошь нормальные люди, мы бы с вами здесь сегодня не сидели...

– И все же?

– Пожалуйста. Он сумасшедший просто потому, что патологически ненавидит евреев. Он считает их виновными во всех бедах человечества со дня основания мира, чем-то, воля ваша, потусторонним. Плюс ко всему его патогенное либидо – среди его товарищей и подчиненных не было ни одного, с чьей женой он бы не переспал и после не демонстрировал бы фотографии соитий на каждом углу. Его странное и разрушительное увлечение порнографией... Ни один нормальный человек не может сто процентов времени говорить о двух вещах – будь то евреи или секс.

– А как же его склонность к роскоши и воровству? – не унимался Шоукросс. – Ведь он в свое время все посты в рейхе потерял именно из-за того, что стал обогащаться за счет подвергавшихся ограблению и уничтожению евреев. Шизофреник не мог бы проявить такие чудеса рассудительности.

– Почему? – Келли был спокоен, как удав, что раздражало его собеседников. – Очень даже мог. Не забывайте, что, как мы уже ранее говорили, шизофрения есть расщепление личности. Одна делает что-то хорошее, другая – плохое. Одна личность Штрейхера пускала слюни на баб и декларировала уничтожение евреев. Другая обеспечивала его большую семью, что сделать иначе, как воровством простой редактор газеты элементарно не мог. Да и кто из них не был замечен тогда в мародерстве? В то же время, как вы сами могли убедиться из материалов следствия, поступки, которые они совершали, не отличались вменяемостью...

Информация к размышлению (Юлиус Штрейхер). Юлиус Штрейхер родился 12 февраля 1885 года в Флейнхаузене близ Аугсбурга, Бавария. Он был девятым ребёнком в семье Фридриха Штрейхера, учителя римско-католической начальной школы. Перед войной поступил добровольцем в Германскую армию, проработав перед этим некоторое время учителем в начальной школе. Однако после года службы он был уволен из армии за недисциплинированность с запрещением в дальнейшем служить в вооружённых силах. Уже тогда командование заметило начавшееся его разложение.

В 1919 году Штрейхер создал отделение в Нюрнберге антисемитской организации, Социалистической партии Германии (СПГ). В 1921 году, когда Гитлер уехал из Мюнхена в Берлин налаживать контакты с лидерами нацистских организаций севера Германии, ряд членов НСДАП, включая её основателя Антона Дрекслера, обвинили Гитлера в диктаторстве и пытались установить контакты с СПГ. Гитлер срочно вернулся в Баварию и потребовал прекратить заигрывания с группой Штрейхера. Это вызвало серьёзный кризис в партии, однако Гитлер смог утвердить себя в качестве лидера. Вскоре Штрейхер смог найти с лидером национал-социалистов общий язык и 8 октября 1922 года влился вместе с членами СПГ в ряды НСДАП. Когда он услышал о Пивном путче, то, не желая оставаться в стороне, присоединился к Гитлеру и шёл рядом с ним в первых рядах. Некоторые свидетели утверждают, что когда толпе марширующих преградили дорогу полицейские, именно Штрейхер первым произвёл выстрел. Сам он впоследствии говорил, что именно благодаря участию в путче фюрер всегда его поддерживал в дальнейшем. «Возможно, найдутся один или два человека, которым не нравится форма носа Штрейхера. Но в тот день, когда он лежал рядом со мной на мостовой Фельдхернхалле, я поклялся, что не брошу его, пока он не бросит меня», – говорил про него впоследствии Гитлер.

С 16 апреля 1923 года он начал выпускать собственную газету «Дер Штюрмер», которая вскоре получила репутацию самого радикального антисемитского издания Германии. Он печатал рассказы о ритуальных убийствах евреями «арийских» детей, а также обвинял евреев в таких вещах, как взрыв дирижабля «Гинденбург» в 1937 году. В газете было очень много

карикатур, порой откровенно порнографических, а также жалоб на евреев, мешающих жить «арийцам»: пациент психиатрической больницы жаловался, что его туда незаслуженно уpekли евреи, покупатель писал, что ему не принесли рубашку из магазина, принадлежащего еврею, и так далее в каждом номере. В своих статьях Штрейхер использовал самые откровенные образы. Он придавал антисемитизму научный оттенок, доказывая, что «арийка», чья кровь испорчена евреем, уже никогда не сможет родить полноценных «арийских» детей. Признать невменяемым этого идеолога антисемитизма значило дать ему уйти от ответственности. Не убивал? Да, но своими речами и поступками он создавал идеологию расового уничтожения евреев, что простить, в понимании Даллеса, было нельзя...

Когда в 1925 году Штрейхер был назначен гауляйтером Нюрнберга, он все ещё преподавал в школе, и его ученики обязаны были приветствовать его возгласом «Хайль Гитлер!». В 1928 году его уволили из школы за пропаганду антисемитских идей, но это не помешало его дальнейшей нацистской карьере: в 1929 году он стал гауляйтером объединённой Франконии и был избран в баварский парламент от нацистов, а в 1933 году и в Рейхстаг. В 1934 году он получил звание группенфюрера СС.

На посту гауляйтера Штрейхер имел дурную репутацию, любил разгуливать по Нюрнбергу с хлыстом, мог делать в пределах своего гау практически всё, что хотел. Однажды он лично избил заключённых Нюрнбергской тюрьмы, сказав после этого сотрудникам своего аппарата: «Мне это было просто необходимо, теперь мне значительно полегчало». Помимо этого, Штрейхер имел огромное количество любовниц и постоянно шантажировал их мужей, любил с гордостью рассказывать о своих любовных похождениях и был известен своим увлечением порнографией.

Отношение к Штрейхеру в партии было неоднозначным: Герман Геринг, Рудольф Гесс, Роберт Лей и Ялмар Шахт открыто заявляли, что он своими непристойными статьями и моральным обликом (Штрейхер активно занимался скупкой конфискованного еврейского имущества) наносит движению гораздо больше вреда, чем пользы. О его корыстолюбии в партии ходили легенды. В 1938 году Йозеф Геббельс неоднократно запрещал его публичные выступления. С другой стороны, Гитлер практически всегда его поддерживал, говоря: «Я не считаю, что задача политического руководителя состоит в том, чтобы попытаться улучшить человеческий материал, лежащий готовым в его руках».

В 1937 году Штрейхер вступил в серьёзную конфронтацию с Герингом, назвав в одном из номеров «Дер Штюмер» его единственную дочь «плодом искусственного оплодотворения». Этот выпад в адрес Геринга был связан с тем, что он хотел видеть Эрхарда Мильха, которого Штрейхер считал евреем, своим заместителем и скорректировал ему биографию. В ответ Геринг добился от Гитлера финансовой проверки деятельности Штрейхера, результатом которой стало удаление его со всех партийных постов в 1940 году. После этого он прямо политикой не занимался, сосредоточившись на редактировании «Дер Штюмер». Газета продолжала издаваться до 1945 года. В последние недели войны де-факто стал вновь исполнять обязанности гауляйтера Франконии. 23 мая 1945 года он был арестован американцами.

Шоукросс уже открыл рот, чтобы что-то возразить насчет вменяемости этого субъекта, но на сей раз на помощь Келли пришел Вышинский.

– Господин доктор прав. Посмотрите на них – и сами поймете, что нормальными их назвать нельзя. Последнее слово остается за медициной, но глаза есть и у нас самих... Советский Союз как ни одно из государств пострадал от их действий и жаждет правосудия не меньше, а то и больше, чем союзники, но ни в одной стране мира не принято судить сумасшедших, разве нет?!

После такого разговора у Даллеса не осталось сомнений в том, что Вышинский и Келли делают общее дело. Он вернулся в гостиницу и хотел уже позвонить в комендатуру, начальнику

полицейского управления, чтобы поручить тому провести тайный обыск у Келли – он был убежден в том, что отыскать следы его взаимодействия с Советами удастся втайне от него, – но входящий звонок из Вашингтона его опередил. Зверь неумолимо бежал на ловца.

– Аллен, это Донован!

– Рад вас слышать, Билл. Как ваши дела?

– Не так интенсивно, как у вас, но кое-какие подвижки есть...

– Я весь – внимание.

– Мы изучили биографию Келли по вашей просьбе... – Да, Даллес сразу проинформировал свое руководство о зародившихся у него подозрениях, и попросил – без особой надежды на результат – покопаться в его прошлом, где, он знал по опыту, кроется 90% всех тайн человека. – И нашли там интересную связь. Протеже мистера Келли – известный у нас психиатр Альфред Коржибски. Так вот он в Первую мировую жил в России и сотрудничал с их разведкой. А еще раньше в разведку пришел из царской тайной полиции, так называемой «охранки».

– И что?

– Вы забыли о содержании папки Гейдриха, что он нашел еще до войны? Сталин ведь тоже был ее агентом...

Вот оно!

– Думаете, там они и сошлись?

– У вас есть иная информация? Или Келли стал вести себя по-другому?

– Еще хуже стал себя вести. Вот думаю провести у него обыск...

– Думаю, это правильное решение. А ответить на ваш вопрос поможет наш человек оттуда. Он сегодня же вылетает в Берн, будет ждать вас там. Отправляйтесь туда и подискутируйте с ним относительно Сталина и его прошлого. А с прошлым Келли все уже понятно. Думаю, что после получения результатов обыска – в зависимости от их содержания – мы сделаем так, чтобы Сенат отозвал его. Вы же отправляйтесь в Швейцарию, прогуляйтесь, проветритесь. Думаю, поездка пойдет на пользу и вам, и делу...

28 сентября 1945 года, Берн, Швейцария

«Нашим человеком оттуда» дикий Билл называл Александра Орлова. Нет, настоящая его фамилия была Никольский, Лев Никольский. Биография этого человека заслуживала внимания...

Информация к размышлению (Александр Орлов). Обычная, на первый взгляд, жизнь советского человека. Родился в еврейской семье в 1895 году. В 1926 году, отслужив в РККА и успев поработать в трибунале под руководством первого прокурора республики Крыленко, перешел на работу в ИНО ОГПУ. В последующие годы выезжал в длительные и краткосрочные командировки во Францию, Германию, США, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Великобританию, Эстонию, Швецию, Данию.

В 1932 году Орлов был командирован в Соединенные Штаты (под прикрытием представителя «Льноэкспорта») для налаживания отношений со своими родственниками из Бобруйска и получения подлинного американского паспорта, который позволял свободно путешествовать по Европе. Позднее, по данным Бориса Володарского, функционеры ИНО НКВД Орлов, Эйтингон и Серебрянский изучали возможности создания разведывательных сетей в США, используя для этого своих еврейских родственников. «Лев Леонидович Николаев» отплыл из Бремена и прибыл в США 22 сентября 1932 года на борту лайнера «Европа». После того, как Орлов был идентифицирован американским управлением военно-морской разведки как шпион, ему удалось с помощью другого советского нелегала, Абрама Айнхорна, получить пас-

порт на имя Уильяма Голдина и 30 ноября 1932 года он отбыл обратно в Бремен, в Веймарскую Германию. Однако, с тех пор отношение Орлова- Никольского к США стало особенным...

В октябре 1935 года по возвращении в СССР был назначен заместителем начальника транспортного отдела (ТО) ГУГБ НКВД. В декабре 1935 года ему было присвоено звание майора госбезопасности.

В 1936- 1937 году Орлов выполнял разведывательные задачи на территории Испании, охваченной Гражданской войной. Сталинская паранойя уже тогда бросила на него тень подозрения в сотрудничестве с франкистами, хотя со своими задачами разведчик- Орлов справлялся просто безукоризненно. Там он познакомился с Хемингуэем, и знакомство это стало столь знаковым для писателя, что он вывел его под фамилией Варлов в своем легендарном романе «По ком звонит колокол!»...

Осенью 1936 года начались масштабные репрессии в политическом и военном руководстве СССР (Большой террор). Репрессии коснулись и руководства НКВД, в том числе высшего. Были сняты с постов и физически уничтожены многие из тех, кто считался основателями ВЧК: Глеб Бокий, Яков Петерс, Иосиф Уншлихт, Фёдор Эйхманс и другие.

В июле 1937 года до Орлова дошли слухи, что его родственник и покровитель Зиновий Кацнельсон был снят со всех постов (к тому времени он был зам. начальника ГУЛАГа и начальником Дмитлага) и арестован. Позднее, в июле 1937 года, Орлов встречался в Париже с резидентом Теодором Малли, который только что получил приказ на возвращение в СССР. Малли поделился с Орловым своими опасениями, поскольку слышал об аналогичных случаях с другими офицерами НКВД, которые были отозваны, а по возвращении в Союз исчезли.

В июле 1938 года Орлов получил приказ прибыть 14 июля на советское судно «Свирь» в Антверпене для встречи со С. М. Шпигельгласом, временным и. о. руководителя Иностранного отдела НКВД (внешней разведки). Однако на встречу Орлов не явился. Вместо этого он похитил 90,8 тыс. долларов из оперативных средств НКВД (из личного сейфа в советском консульстве на Авенида дель Тибидабо в Барселоне) и вместе с женой (также сотрудницей резидентуры) и дочерью 13 июля 1938 года тайно отбыл во Францию, откуда пароходом «Монклэр» из Шербура 21 июля прибыл в Монреаль (Канада), а затем перебрался в США.

В Канаду, а затем в США Орлов прибыл по советскому дипломатическому паспорту. Советские паспорта были у жены и дочери Орлова. Из Канады Орлов отправил письма главе НКВД Н. И. Ежову и Иосифу Сталину, в которых предупредил, что выдаст советских агентов во многих странах, если его семью или родственников, оставшихся в СССР, будут преследовать. Вскоре после прибытия в Нью-Йорк 13 августа 1938 года Орлов отправил письмо Л. Д. Троцкому, в котором предупреждал его о возможном покушении. Позднее выяснилось, что Троцкий посчитал письмо Орлова мистификацией, спланированной НКВД.

В США Никольский окончательно стал Орловым, получил паспорт, писал статьи и консультировал УСС по вопросам сталинизма и русизма. Все-таки, он был лично знаком со Сталиным, и потому мог пролить свет на «скелеты в шкафу» самого одиозного европейского лидера тех времен. Использовать его «по полной программе» американцы все же не решались – Бог знает, на что Сталин был бы способен в гневе, даже в отношении союзников, да и сам Орлов побаивался рассказывать все, что знает, памятуя о судьбе недавно зарубленного в Койоакане Троцкого, – но для кое-каких консультаций все же привлекали. Сейчас был именно такой случай: помочь прояснить дело со Сталиным и охранкой мог только Орлов – никого из ближайшего окружения «отца народов» у УСС на крючке не было. Ехать для переговоров в Нюрнберг он отказался – хоть зона оккупации и была американской, но советских шпиков там могло быть предостаточно, – а вот на визит за счет УСС в нейтральную Швейцарию согласился охотно. Даллесу и самому было так проще – никто из посторонних не мог тут их увидеть, а в Берне почти всю войну находилась его резидентура, так что тут он чувствовал себя почти как дома.

Разговор между ними состоялся в кафе недалеко от городской ратуши. Конечно, шпионы могли присутствовать и тут – чего стоит хотя бы появление Даллеса, – но здесь всюду витал пьянящий воздух свободы, который позволял не бояться ничего и вести самые секретные переговоры прямо под открытым небом.

– О том, что Сталин был агентом охраны, знали многие, – отвечал Орлов-Никольский на вопросы своего визави. – До поры он очень боялся придания этому факту огласки – пока были живы его враги из разряда имеющих реальную силу.

– Кого вы имеете в виду?

– Троцкого, Бухарина, Тухачевского...

– К слову о последнем. Ведь именно он, кажется, первый вслух пригрозил Сталину обнародованием этих фактов...

– Да. Получив их подтверждение от Гейдриха и его заместителя Шелленберга во время одной из своих командировок в Германию по обмену опытом, коих у него было предостаточно. Так случилось, что в Европе было много русских белоэмигрантов, которые, убывая из России после революции, прихватили с собой архивы некоторых организаций, включая царскую тайную полицию. Таким образом доказательства сотрудничества Сталина с нею попали в руки к вездесущему шпиону Гейдриху.

– Гейдрих делал ставку на Тухачевского как на будущего главу государства? – искренне удивился Даллес. – Они хотели воевать со Сталиным? Зачем они ему это сообщили?

– Нет. Мне кажется, они как раз выполняли заказ Сталина и хотели скомпрометировать Тухачевского в глазах сталинского окружения. Тот уже всерьез воспринимал его как опасного врага, хотел его уничтожить. Но для суда нужен формальный повод. Чтобы подкинуть его Тухачевскому, следовало внушить ему осознание собственной силы. Что, как не компромат на Сталина, лучше годилось для этого? Тем самым подвигнуть его на высказывания и планы, которые быстро стали достоянием гласности и послужили поводом к его аресту и расстрелу...

«Сталин решил скомпрометировать Тухачевского руками Гитлера... – задумался Даллес. – Как прав был Флеминг! Их отношения и впрямь очень близкие, и, стань они достоянием гласности, неизвестно, как это отразится на облике главного союзника, в том числе и у него дома...»

– Я верно понимаю, – подытожил Аллен Уэлш, – что Сталин до революции был провокатором и, единожды попавшись на удочку, стал время от времени продавать и подставлять своих товарищей?

– Именно.

– А как же быть с его многочисленными арестами и ссылками? Почему охранка не спасла его от них?

Бывший русский шпион улыбнулся:

– Вы же разведчик! Неужели не понимаете, что такое маскировка, и к чему может привести ее отсутствие?

– Не знаете ничего о его друзьях из числа сотрудников охранного отделения?

– Слышал несколько фамилий. Джунгаров, Железняков, Малиновский, Еремени, Коржибский...

– Коржибский?! – подскочил Даллес.

– Вроде да...

– Очень любопытно. А что вы можете сказать относительно взаимоотношений Сталина и Гитлера?

– Очень близкие. Постоянные комплименты в адреса друг друга, постоянные заискивания, заигрывания. Знаете, у очевидцев складывалось впечатление, что они давно знакомы и симпатизируют друг другу, едва ли не на интимном уровне – помните ту знаменитую карикатуру в «Таймс», где они были изображены в образе брачующейся четы? А ведь это было

прямо перед войной! Подобно любовникам, отношения свои они скрывали, но местами все было очень уж явно...

– Что именно? – Даллес почувствовал, что собеседник явно уклоняется от некоторых ответов, побаиваясь героя беседы. Надо было проявить решимость! – Вы сказали, что они давно знакомы?

– Я оговорился, видимо...

– И все же?

Орлов оглянулся и выпалил:

– Они были знакомы с 1913 года!

Даллеса эта новость буквально обескуражила.

– В ту пору Гитлер в Вене был простым художником, а Сталин «скрывался» от охраны в эмиграции вместе с Троцким. Так вот последний рассказывал, что именно там и тогда они познакомились и сблизились едва ли не как влюбленные друг в друга люди. Так и было – до 1941 года они не расставались, я имею в виду вербально и мысленно. Шагали в ногу, и только возросшие аппетиты Гитлера похоронили их отношения. Если бы не они, то эти двое уже бы весь мир пополам разделили – так что, наверное, нет худа без добра...

Орлов еще говорил, характеризуя отношения Гитлера и Сталина, но Даллес уже не слушал его, погрузившись в свои мысли. Сказанное им не просто пролило свет на Келли и его исследования, но и многое объяснило в позиции Сталина относительно Нюрнбергского процесса. Ведь подсудимые могли много знать об отношениях, которым, вопреки утверждениям Москвы, было не 2-3 года, а больше 30 лет!

Однако, открытия этого дня на этом не закончились. Вернувшись в гостиницу, Даллес связался с Нюрнбергской комендатурой, которая сообщила, что при обыске у Келли не обнаружено ничего подозрительного, кроме... сорока ампул цианистого калия. О находке он сразу же доложил Donovanу. Тот был резок и категоричен:

– Ясное дело, надо отзываться. Однако, зачем ему цианид? Цианид всегда был элементом шпионов – чтобы, в случае опасности, уйти из жизни и от преследования...

– Или дать уйти другим... – задумался Даллес.

– Кому, например?

– Тому, кто много знает и кого не удалось запугать злым охранникам и иезуитским психиатрам!

5. Рокировка

5 октября 1945 года, Нюрнберг

На смену Келли в Нюрнберг приехал психиатр Густав Гилберт. Блестящий врач и ученый, выходец из семьи австрийских эмигрантов, он, не будучи связан ни с кем из руководства союзных держав, по результатам осмотров подсудимых, сделал предварительное заключение: все они достаточно вменяемы, чтобы предстать перед судом. Да, некоторые их деяния, конечно, вызывали бы нарекания и сомнения в целостности психики, но осознавали они все. Невменяемость – категория юридическая, которая означает отношение преступника к содеянному. Если, так или иначе, он вспоминает детали содеянного, даже отрицая его преступность или не придавая ему значения – он вменяем. К такому выводу и пришел очередной американский эксперт, не заинтересованный в исходе дела. На этом этапе СССР в своем стремлении сорвать старт работы Трибунала проиграл...

Гилберт работал три дня. Под конец последнего дня, вечером, все, как всегда, собрались в обеденной зале «Гранд-Отеля». Вышинский выглядел подавленным. Даллесу бросилось тогда в глаза, что он поднял тост за смертную казнь в отношении всех заключенных – хотя высказывания подобного рода со стороны обвинителя не то, что до приговора, а даже до начала деятельности Трибунала, были более, чем недопустимыми.

– Чего это он сегодня так разговорился? – улыбнулся Даллес, как обычно коротавший вечер в компании старого друга Шейнина.

– Видимо, терять нечего стало, – полушепотом пожал плечами Шейнин. – Его в Москву отзывают.

– О как! А кто же вместо него?

– Руденко, прокурор Украины и первый заместитель Генерального прокурора Горшенина.

– Что он за человек?

– Чудовище.

– Неужели хуже Вышинского?

– Все познается в сравнении... Вышинский никогда не брал в руки оружия. О расстрелах знает только понаслышке. Этот же никогда не чурался привести приговор в исполнение...

– Даже так? – вскинул брови Даллес.

– Да. Перед войной на шахте в Воркуте началась забастовка рабочих по причине низких зарплат. Так он выехал на место и лично застрелил зачинщика. А уж потом разрешил бессудную расправу над остальными... И не только это...

– А что еще?

– Эти наши предвоенные процессы... Ты ведь наверняка знаешь, что творилось в ту пору, сколько пришлось отправить на тот свет по сомнительным политическим мотивам?

– Слышал, – уклончиво ответил Даллес, вполне хорошо представлявший себе масштабы сталинских репрессий, проводимых им в борьбе за власть. Американец не хотел углубляться в эту тему с Шейниным, чтобы не обидеть его – он ведь отлично понимал, что друг тоже, пусть и вынужденно, но замарал себя участием в работе этих прокураторских лож.

– Так вот Руденко тут очень уж отличился. До такой степени, что перед войной его за жестокость вообще уволили из прокуратуры и хотели арестовать. Потом, в связи с уходом едва ли не всей страны на фронт, начался кадровый голод и его вернули, но... его поведение в ходе процессов над невиновными до начала боевых действий навсегда останется в памяти очевидцев... Понимаешь, Вышинский исполнял прямое указание Сталина в этих вопросах – его

должность, близкая к Кремлю, не позволяла ему отказаться. А на местах порядочные люди всегда могли найти способ хотя бы сократить число жертв. Руденко же делал с точностью до наоборот – казалось, эти директивы только развязали ему руки. Как будто он, человек по природе жестокий, только и ждал команды, чтобы удовлетворить свою кровожадность...

– Да уж, – присвистнул Даллес. – Надеюсь, хоть судьи не таковы...

– И тут ошибаешься, – отрезал Шейнин. – Про американцев ничего не могу сказать, так как члены Трибунала еще не назначены, а вот насчет нашего главного судьи есть, чем тебя разочаровать.

Информация к размышлению (Иона Никитченко). Это про него Фурманов написал в своем знаменитом романе «Мятеж», сделав его знаменитым на всю страну, такие строки: «Иона может часами почти недвижимо оставаться на месте и думать, обдумывать или спокойно и тихо говорить, спокойно и многоуспешно, отлично делать какое-нибудь дело... Глядишь на него, и представляется: попадает он в плен какому-нибудь белому офицерскому батальону, станут, сукины сыны, его четвертовать, станут шкуру сдирать, а он посмотрит кротко и молвит:

– Осторожней... Тише... Можно и без драки шкуру снять...»

Никитченко принимал участие в проведении самых громких и ярких по своей безрассудной жестокости судебных процессов, следствием которых неизменно становилась казнь неугодных Сталину его вчерашних товарищей. Среди них:

– процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» (подсудимые Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев-Розенфельд, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев и т. д., всего 16 человек) – расстрельный приговор вынесен 24 августа 1936 года;

по обвинению в шпионаже в пользу Японии востоковеда, академика АН СССР А. Н. Самойловича – расстрельный приговор вынесен 13 февраля 1938 года;

по обвинению во вредительстве и шпионаже Я. Э. Рудзутака – расстрельный приговор вынесен 28 июля 1938 года;

по обвинению в участии в антисоветском заговоре П. Е. Дыбенко – расстрельный приговор вынесен 29 июля 1938 года;

по делу об объявлении (заочном) Ф. Ф. Раскольникову «вне закона» – расстрельный приговор вынесен 17 июля 1939 года. Символичен ответ Раскольникова, написанный им в виде открытого письма Сталину и опубликованный после приговора: «Сталин, вы объявили меня „вне закона“. Этим актом вы уравнили меня в правах – точнее, в бесправии – со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона...»;

по обвинению в шпионаже и заговоре в пользу Великобритании английской подданной Роуз Коэн, заведующей иностранным отделом газеты Moscow Daily News. Приговор вынесен 28 ноября 1937 года. После расстрела Роуз Коэн 28 ноября 1937 года, её семилетний сын Алексей Петровский (будущий академик РАЕН) остался круглым сиротой и попал в детский дом.

Комиссия ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII Съезде партии, в своём докладе Президиуму ЦК КПСС от 9 февраля 1956 года о деятельности И. Т. Никитченко в рассматриваемый период отмечала следующее: «Установлены факты, когда Военная Коллегия Верховного Суда СССР дошла до вынесения приговоров по телеграфу.

Бывший член Военной Коллегии Верховного Суда СССР Никитченко (ныне генерал-майор в отставке), возглавляя выездную сессию на Дальнем Востоке, не видя дел и обвиняемых, вынес по телеграфу 102 приговора.

Тот же Никитченко, находясь на Дальнем Востоке, не только не вскрывал проводившуюся там органами НКВД массовую фальсификацию дел, но, наоборот, всячески потворствовал этой фальсификации и способствовал её внедрению в работу аппарата НКВД.

В Управлении НКВД по Дальневосточному краю существовала продуманная система «подготовки» арестованных к заседаниям Военной Коллегии, о чем было известно Никитченко, поощрявшему эту преступную практику».

Никитченко выезжал в регионы (Ленинград, Дальний Восток) где председательствовал на процессах по обвинению региональных руководителей в контрреволюционной деятельности. Дела рассматривал по принципу «конвейера». 8 августа 1940 года партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) наложила на него взыскание – строгий выговор – за систематические процессуальные нарушения при рассмотрении уголовных дел на Дальнем Востоке.

– Получается, что его, как и Руденко, на волну правовой работы вернула война и принесенный ею кадровый голод?

– Да, Аллен, именно так, – печально вздохнул Лев Романович. – И это печально. Но вдвойне печально то, что лучшие работники правоохранительных органов, ушедшие тогда на войну, на войне и остались, а в руках таких вот Руденко и Никитченко сейчас судьбы целого мира. И вопрос – смогут ли они должным образом ими распорядиться?..

Их откровения прервал Джексон, отозвавший Даллеса на минуту для частного разговора.

– Видите ли, я думаю,.. – замялся он, – что, по причине отлета мистера Вышинского, слежка за членами советской делегации должна быть отменена.

– Но мистер Джексон...

– Не спорьте со мной, пожалуйста, – пряча глаза, говорил американский прокурор. – Во-первых, мы подозревали именно его в попытках сорвать процесс, а теперь он улетает. Во-вторых, заключение Гилберта сорвало планы Советов. А в-третьих, если все это выяснится, нас ждет скандал, который уж точно приведет к затруднениям в совместной работе по поддержанию обвинения и отправлению правосудия. Так что это мое последнее слово. Надеюсь, вы меня поймете...

Разведчика такое решение не вполне устроило, но делать было нечего. Он просидел в холле гостиницы оставшиеся два часа, что продолжались проводы главы советской делегации, мрачнее тучи. А вернувшись в номер, позвонил в Вашингтон, в штаб-квартиру УСС. Донован, кажется, тоже был не в настроении.

– Скверные новости. Кажется, мои худшие подозрения начали сбываться.

– О чем вы, Билл?

– Когда Трумэн отправил Джексона поддерживать обвинение, у меня закрались первые сомнения. Мы все знаем, что на грядущих выборах Джексон будет оппонентом Трумэна на пост Президента. Так не решил ли наш «папочка» избавиться от конкурента, отправив его поддерживать там обвинение – то есть решать заведомо не решаемую задачу?

– Ну, я не думаю...

– А я думаю. Думаю, что мистер Президент не верит в торжество правосудия, даже при условии нашей доминирующей роли в работе Трибунала. Потому сегодня он назначил судьями от США – кого бы вы думали?

– Понятия не имею.

– Биддла и Паркера.

Даллес тяжело выдохнул – эти двое «служителей Фемиды» были знамениты своими действиями по организации концлагерей для японцев, живших на территории США, после разгрома японскими летчиками американского флота в районе Перл-Харбора в 1941 году. Такие персонажи, хоть и не дотягивали по «послужному списку» до Руденко и Никитченко, тоже своим присутствием в составе членов Трибунала никак не способствовали ни работе, ни авторитету последнего.

– Думаете, это инициатива Трумэна или его кто-то подговорил сорвать процесс?

– Не знаю. После случая с Келли и Коржибски я уже ничему не удивляюсь. А вообще, только сторонний свежий взгляд поможет мне разобраться в картине...

– Вы меня имеете в виду?

– Да. Вышинский уезжает, а нам вроде пока нечего опасаться конкретных действий по срыву процесса, принимая во внимание заключение Гилберта. Если что и может теперь сорваться, то случится это не там, а здесь, в Вашингтоне. Так что, думаю, вам неплохо будет прервать свой отпуск и ненадолго вернуться сюда...

Даллес вылетел утренним самолетом. Вместе с ним в аэропорту сел на борт в Москву бывший глава советской делегации. Оба были не в лучшем расположении духа. Но Вышинскому было несравнимо хуже – провал задачи в Нюрнберге мог стоить ему жизни, если, конечно, срочно чего-нибудь не придумать...

7 октября 1945 года, Нюрнберг

В первый же день своей работы в Нюрнберге прокурор Украины, а по совместительству заместитель Генерального прокурора СССР Роман Руденко приступил к ознакомлению с материалами будущего процесса. С большей частью он ознакомился еще в Москве – Вышинский с первого дня нахождения здесь отправлял на родину копии тех материалов, которые представляли союзники, да и сам обладал огромными архивами, доступными для Руденко еще в Союзе. Вообще после своего триумфального и чудесного возвращения в прокуратуру Роман Андреевич старался максимально выслуживаться и тщательно готовиться к рассмотрению дел – велика была вероятность того, что, допусти он еще одну ошибку, связанную с невнимательностью при подготовке и проведении процессов, возврата ему в надзорное ведомство уже не будет. А там, не приведи Бог, и до ареста могло дойти. Эмоции, испытанные им перед войной, навсегда остались в его памяти и не давали проявляться халатности. Потому даже арендованный специально для него дом на Аххендорфштрассе, 33 Руденко, как это полагается вновь прибывшим, желающим отметить гостеприимство хозяев, по прилету не оценил – только велел отправить туда свои вещи. С красотами этой двухэтажной виллы ему предстояло ознакомиться только вечером, после рабочего дня.

Он закончился около 21:00 – Руденко вышел из Дворца правосудия с конспектами первых трех томов обвинительного заключения, которые ему еще предстояло перечитать в продолжение ночи, и сел в поданную машину. Перед отлетом ему прочли дежурную лекцию о шпионах, которые только и делают, что ищут слабости у советских людей, так что работе Роман Андреевич решил отдавать все время, включая личное – во всяком случае, поначалу. И, выполняя эту свою личную директиву, он, в процессе ознакомления с обвинительным заключением, увлекся так, что не заметил, как выкурил всю пачку «Кэмела», прихваченного с собой из Москвы. Сигарет не было, а ночь предстояла длинная, потому, завидев по пути работающий бар с огоньками на вывеске, прокурор приказал солдатику- водителю остановиться.

Обвинитель от СССР вышел из машины и бодро зашагал к свету, когда невдалеке послышался шаг – как будто кто- то бежал, приближаясь к Руденко. Он схватился за пистолет в кобуре и стал медленно двигаться назад, к автомобилю – бег в непосредственной близости от него не мог значить ничего хорошего. В какое- то мгновение с ним поравнялся взявшийся не весть откуда солдат в американской форме. Прокурор ослабил было хватку рукояти пистолета, хотел обратиться к солдату, но тот даже не сбавил шаг при виде него. Нет, он его видел вполне отчетливо, но пассажир его не интересовал – его интересовал водитель.

Советский солдат вышел из- за руля, когда Руденко отправился в бар, открыл капот и стал что- то рассматривать в моторе авто. Он не слышал ни шагов солдата, ни шагов вернувшегося прокурора. Солдат же обогнул машину и поравнялся с шофером. Тогда только он обернулся и открыл рот, чтобы спросить у визави, что ему нужно, но тот вдруг внезапно выхватил из

кобуры пистолет и выстрелил. Раз, еще раз – раскаты пальбы озарили мирный воздух только что отвыкшего от звуков войны города. Пассажир вжался в заднюю дверь и стоял недвижно, пока американец не ретировался, а из бара не вывалились на шум его гости. Только после этого он резко вскочил и кинулся к шоферу, спасти которого было уже невозможно...

Утром все газеты раструбили о неудавшемся покушении на прокурора Руденко, совершенном неустановленным солдатом американской армии. Назревал дипломатический скандал. Утром же Сталин вызвал к себе Вышинского.

– И што там случилось? – спросил недовольно хозяин.

– В Руденко стреляли, товарищ Сталин...

– А почему промахнулись?

– Не могу знать, Иосиф Виссарионович. Видимо, спешили очень.

– У него не было пистолета? Почему он не отстреливался?

– То есть как? – Вышинский оторопело пожал плечами. – Это же... как бы он отстреливался? И зачем, если...

– Да, успокойся, – улыбнулся Сталин. – Я щучу. Хорошо проведенная операция, тщательно организованная. Молодец Меркулов. И Руденко неплохо сыграл. И главное – американцам теперь не отвертеться. Какой публичный процесс? А что, если кто-то из спрятавшихся в овечью шкуру бывших нацистов застрелит одного прокурора, второго, третьего? Думаю, надо сообщить нашим союзникам, что вопрос проведения процесса не проработан до конца – добьем всех нацистов, тогда и приступим. А там или ишак, или падишах... Справишься?

– С чем, товарищ Сталин?

– С тем, чтобы ноту подготовить по линии МИДа? Ты ведь, если помнишь, теперь там работаешь...

– Так точно, товарищ Сталин. А что надо написать? Что вопрос не подготовлен?

– Не только. Еще надо как следует обвинить американцев.

– Это мы, конечно, сделаем, но ведь сам факт выстрелов, произведенных человеком в американской военной форме, ничего еще не доказывает. Вон в Катыни тоже стреляли люди в форме вермахта, а проблем...

– Заткнись про Катынь, – зло глянул на собеседника Генсек. – Хоть и похоже, а параллелей проводить не надо. Сам знаешь, исторические параллели всегда рискованны. Ты не об этом должен писать. А о том, что Даллес, чье присутствие в Нюрнберге изначально ставило процесс под угрозу срыва, решил – по непонятной нам причине – довести до конца наши самые худшие подозрения.

– Бросить тень на него? Но ведь он уехал за два или три дня до покушения...

– Логично, черт побери. Лучшее алиби – отсутствие в месте преступления в момент его совершения!

Вышинский улыбнулся, приятно удивившись находчивости хозяина.

– Железная логика, Иосиф Виссарионович.

– Стальная, – поправил Сталин, явно пребывавший в хорошем настроении. – А ты дурак. Это ты, юрист, должен такие тонкости знать и меня учить, а не я тебя. Ладно, прощаю пока. Ты же теперь временно дипломат. – Оба рассмеялись. – А дипломаты нам сейчас нужны не меньше, а даже больше, чем юристы...

6. ...на западном направлении

9 октября 1945 года, Нью-Йорк

Вице-президент корпорации «Американские торговые корабли» Элизабет Бентли была женщиной заслуженной и уважаемой в определенных кругах на Уолл-стрит. Она была вхожа в высокие кабинеты, обладала многими знаниями из разряда «top- secret», могла влиять на принятие судьбоносных решений. И кто бы мог подумать, что в эту самую минуту эта сановная леди совокупляется как животное на грязной, захламленной квартире в негритянском квартале Нью-Йорка не с кем-нибудь, а с советским резидентом Исхаком Ахмеровым! И да, она знает о его деятельности и даже кое в чем ему помогает, но в данный момент совершенно не думает ни о вреде, который он наносит давно нелюбимым ею Штатам, ни о деле. Она думает о другом...

Ей безумно нравился секс с этим молодым, горячим, хоть и бестолковым азиатом, который, кажется, ничего более в жизни не умел. Вообще он вдохнул в нее новую жизнь, которой женщинам в ее возрасте так отчаянно хочется, но зачастую желание это остается лишь желанием. Используя ее как игрушку для удовлетворения потребностей своего молодого организма, ставя ее во все возможные позы и даже причиняя ей боль во время неистового соития – которое напоминало ей совокупление с животным наподобие тигра, – он не только утверждался в роли любовника статусной дамы, которая имеет вес в дипломатических и торговых кругах сильнейшей мировой сверхдержавы, но и делал ее желанной, а значит, нужной мужчине. А что для женщины во все времена самое главное, как не это? Конечно, ее статус тоже прибавлял ей значимости, но с годами она начала понимать разницу между настоящими ценностями и теми, что привиты обществом. Интерес молодого мужчины, его страсть, вожделение ее тела были настоящими, а без остальных вполне можно было прожить...

Но как, скажите, прожить без страстных объятий молодого неустанного татарина, которому только и надо, что секс 24 часа с опытной и выносливой дамой?! Как прожить без его малопонятных выкрикиваний на родном татарском языке в минуты наивысшего удовольствия?! Как прожить без его смазливой улыбки, которое способно говорить только на примитивные темы о Родине, родном городе под странным и чудным названием Сиялябэ, о женщинах и выпивке и, глядя на которое, волей-неволей задумываешься о том, чтобы заткнуть его рот поцелуем и поскорее затащить в кровать?! Нет, Лиз просто не мыслила себя без него...

А когда, после страстного соития, они лежали, обнявшись и курили прямо в постели, она задавала себе вопрос – как такого глупого и помешанного на сексе троглодита из Тмутаракани назначили резидентом? Ведь истинное чудо в том, что он до сих пор не погорел на чрезмерной откровенности в компании какой-нибудь барышни, которых менял как перчатки, прыгая из постели в постель. Всю войну этот избалованный денди, совсем даже не походивший на выходца из СССР, не нюхая пороха, обольщал жен американской политической элиты, получая от них нужную ему информацию о деятельности мужей – наподобие другого советского шпиона, Рихарда Зорге, занимавшегося тем же в канун войны в Японии. И пусть информация эта была скупа – недостаток ее он компенсировал самоутверждением за счет обладания этими дамами в самых извращенных позах, что только позволяла себе фантазия ненасытного азиата! Опасность, думала Элизабет, только заводила его...

И все же ему везло. Во многом благодаря главному советскому шпиону в США, заместителю министра финансов Натану Сильвермастеру, чья опытность спасала всю группу уже много лет, обеспечивая ее бесперебойную работу и отправку в центр ценнейших и секретнейших сведений. Ему не нужны были помощники, но и делать его резидентом центр не мог – слишком уж на виду, при определенных обстоятельствах, могла оказаться эта фигура. Ахмеров

же был надежным прикрытием, который, привлекая к себе внимание, отводил его от фигуры Натана. А внимания он привлекал будь здоров, особенно женского... Когда Лиз думала об этом, то будто горела изнутри – так ей было обидно от осознания невозможности обладать им всецело как домашним питомцем, постельной игрушкой, от осознания необходимости делить его с высшим светом и тамошними профурсетками. Ей хотелось в такую минуту сорваться с любого места, где бы она ни была и ехать к нему, на грязную съемную квартиру в Гарлеме, арендованную им по этому случаю, и отдаваться, отдаваться, отдаваться. Подчиняться его нелепым приказам – вставать то в ту, то в иную позицию, только ради неземного наслаждения, за пределами которого, казалось, ничего ей уже в ее возрасте не светит.

...А после секса всегда следовал перекур.

– Мин син яратам, – сегодня он снова удивил ее словами на своем странном наречии, похожем на абракадабру. Слыша его, она всегда улыбалась, чем обижала эту красивую и глупую куклу в мужском обличье. Так случилось и в этот раз. – Что смешного?!

– И что это значит?

– Я люблю тебя.

– Что за бред? Скольким ты такое говорил за последние две недели?

– Ну что ты, в самом деле? Только тебе...

– А Лори? – Лиз недавно получила информацию, что «татарский тигр» всю ухлестывает за дочерью первого секретаря Компартии США, а ее отец уже всерьез говорит о свадьбе. Статусную леди с авторитетом такое положение дел, конечно, не устраивало...

– Ерунда, – отмахнулся Ахмеров. – Что она против тебя? Что может дать, чем привлечь? На твоей стороне опытность и статус...

– ...а на ее – молодость!

– Сомнительное достоинство, которое, к тому же, быстро проходит...

– Брось. А чего тогда ее папаша треплется об этом всем, включая Натана? – Сильвермастера Бентли тоже хорошо знала, выполняя в его разведывательной группе определенную, не очень значительную, но полезную работу.

– А что старику делать остается? Переспал с дочерью, об этом узнали в Вашингтоне, так не позориться же ему теперь. Знаешь, у меня на родине таким нерадивым отцам, что вырастили доступных девиц из дочерей, ворота домов дегтем мажут.

– Это еще зачем?

– Для наглядности. Вроде знака позора.

– Что за дикие нравы... – не переставала удивляться Лиз. – Не удивлена, что по приезде сюда ты стал бросаться на каждую юбку...

Оба рассмеялись. Резидент был на удивление настолько глуп, что не понял насмешки над ним, что еще более рассмешило Элизабет.

В это время любовник протянул руку к прикроватной тумбочке, достал оттуда конверт и протянул ей.

– За проститутку меня принимаешь? – гордо бросила она.

– Нет. Просто каждая работа должна быть оплачена. Ты очень помогаешь Советскому Союзу и...

– Ладно, брось, – она дежурно окинула содержимое конверта взглядом, после чего бросила его в сумочку. – А сегодня меньше, чем в прошлом месяце. Никак на подарок будущей невесте да на свадьбу уходит бюджет резидентуры?

– Ты же не проститутка?! И вообще, может о деле поговорим?

– С тобой, о деле? Не смеди.

– И все же... Как дела там? – он поднял палец вверх. – Насколько я помню, история с Келли провалилась? Его раскрыли?

– Не совсем так. Просто дикий Билл догадался о его связи с Коржибски и со Сталиным. Прямого разоблачения не было, но ты сам понимаешь, что дальше ему работать в Нюрнберге было, как у вас говорят, не с руки. Но, спасибо Декстеру, выход из ситуации найден...

– И какой?

Лиз всплеснула руками:

– И это говорит резидент!

– Ты отлично знаешь, что у меня другая задача. Фукс, Розенберги, ядерный проект – вот сфера моей работы. Между тем, курировать я должен все, так что прошу тебя ответить...

– Декстер добился, чтобы судьями от Штатов назначили Паркера и Биддла, – нехотя отрезала она, затягиваясь новой сигаретой.

– Это те, что концлагеря для японцев строили после Перл-Харбора?

– Они самые.

– А что в них такого замечательного, что пошло бы нам на руку?

– Хотя бы их участие в организации тех самых лагерей смерти. Подумай сам, сложно ли будет на них надавить в целях принятия нужных решений, если пригрозить оглаской их прошлого на процессе, на котором создание подобного рода учреждений является первым пунктом всех обвинений?

– Логично. Но о каком решении идет речь, если затея с психушкой провалилась? Как теперь заставить их молчать?

– Пригрозить смертью. Да и просто исключить некоторые пункты из допросов, отведя неудобные для нас вопросы из речи обвинителя...

– Умная ты, – помолчав пару секунд, всмотревшись в ее глаза, восхищенно произнес Ахмеров. – Заводят меня умные бабы, страсть как...

– Потому что сам дурачок...

– Возможно. Но мне это и не надо. У меня другие достоинства есть.

– Какие это?

– Хм... Пяти минут не прошло, как забыла. Что ж, придется напомнить.

Он рывком перевернулся на живот, заключил ее в свои цепкие стальные объятия, впился в губы ее поцелуем и «пошел на второй заход». Зная, что будет следом, она специально провоцировала его на очередной приступ страсти, за которой она сюда и пришла. А он, при всей его глупости, не заставлял себя просить дважды – природа обеим диктовала одно и то же, несмотря на разницу в возрасте...

Подумать только, а ведь уже следующим утром она и виду не подаст к тому, что вчера была игрушкой в руках полудикого парня с Волги. Она будет сидеть в своем кабинете и принимать посетителей одного за другим. Так будет продолжаться неделю – день за днем, – пока среди этого бесконечного потока моряков, торговых представителей и бизнесменов в приемной ее не окажется один малозаметный, низкорослый человек в клетчатом костюме и широкополой шляпе. Его зовут Клайв Амни...

– Присаживайтесь, мистер Амни, – запирая дверь, спешно пригласила она гостя за стол. – Как ваши успехи?

– Какие успехи у простого частного детектива? Вот вы – настоящая бизнес-леди, которой свойственен успех. А я...

– Бросьте. Каждый на своем месте должен делать свое дело...

– Тут я с вами согласен. И думаю, тот тип, за которым вы поручили мне следить, свое дело просто обожает, – хохотнул сыщик.

– А какое у него дело?

– Простите, мисс Бентли, но озвучивать его род деятельности в присутствии дам я не приучен.

– Не забывайте, что я имею дело с моряками, а выбирать выражения – не в их традициях.

– Что ж, тогда я должен сказать вам, что парень этот просто помешан на сексе и на всем, что с ним связано. Он так много времени уделяет этому занятию, что я подумал было, не жиголо ли он. Не основная ли это его профессия... – с этими словами сыщик бросил на стол Бентли увесистый желтый конверт формата А4. Она резким движением вскрыла его и высыпала на стол четкие фотографии непристойного содержания, на которых ее любовник был запечатлен в компании одной девицы. На картинках эти двое совокуплялись в каком-то парке, заходили в отель, ходили нагишом по квартире – ей показалось даже, что по той же самой, в интерьерах которой совсем недавно она осваивала азы «основной профессии» Ахмерова. Она взгляделась в лица на фотографиях и сжала кулаки от злости. Но не их обнаженные тела и факт измены так вывели ее на эмоции. На фото рядом с Исхаком была изображена проклятая соперница, от которой этот негодяй еще вчера отмахивался в разговоре как от назойливой мухи!

– Лори, – процедила она. – Выходит, старик все же не зря болтал о свадьбе...

– Что, простите?

– Ничего особенного. Вот ваш чек. И спасибо за работу, мистер Амни. Ваше дело сделано вами безупречно! Теперь очередь за мной!..

Два часа спустя, Вашингтон, штаб-квартира УСС

Донован и Даллес обсуждали новость о выстрелах в Руденко. Сейчас это покушение, как здраво рассуждал дикий Билл, способно было произвести на общественность эффект разорвавшейся бомбы и привести к отмене процесса, начинать который под пулями – дело неблагодарное.

– Знаешь, эти выстрелы в Руденко сейчас очень некстати... – процедил Донован. – Нас могут обвинить в организации покушения, попытавшись перебить нашу инициативу в организации процесса. Несмотря на то, что подобного рода провокационные покушения мировая история видела уже не раз, первое впечатление мирового сообщества всегда в пользу жертвы. Стреляли в Руденко? Значит, либо нацисты, либо американцы – ведь только у нас наметились четкие разногласия с советской стороной по вопросу организации процесса. Нацистов там нет и быть не может – это ведь наша зона оккупации. Попробуй сейчас признаться в том, что не должным образом организовал безопасность участников процесса! В противном же случае придется признаваться в том, что стрелял кто-то из наших...

– Но послушайте, Билл. Долго ли советским солдатам, переодевшись в форму США, организовать провокацию? – резонно парировал Даллес.

– Понятно, что они это сами и сделали – если бы стрелял наш, Руденко был бы мертв. Но тогда куда смотрела наша военная комендатура? Наша разведка в конце концов, в вашем лице?

– Все знают, что в день покушения меня не было в Нюрнберге...

– А это и есть лучшее алиби для отвода глаз! – щелкнул пальцами Донован. – Так что, как ни крути, а мы оказались с этими выстрелами в весьма патовой ситуации... И вина здесь и твоя, и моя – это ведь я вызвал тебя сюда и сорвал, можно сказать, с линии фронта в ту пору, когда твое присутствие там очень требовалось. А они... они только и ждали, когда мы утратим бдительность. Ну ты подумай – как же они не хотят, чтобы этот процесс состоялся?!

В этот момент зазвонил телефон, прервав их минорную беседу. Хозяин кабинета сразу оживился, выслушивая новости от своего собеседника на том конце провода и отвечая односложными предложениями. Во время короткой, но содержательной беседы Донован вскидывал брови, присвистывал и прихлопывал себя по колену, не скрывая удивления от услышанного. Наконец, положив трубку, изрек:

– Я был прав. Догадки подтвердились...

– Какие догадки, Билл?

– Помнишь, когда я вызывал тебя сюда, то вскользь обмолвился о том, что не понимаю решений Белого Дома и нуждаюсь в твоей помощи, чтобы разобраться в царящей в Вашингтоне ситуации?

– Да, но тогда я не понял значения ваших слов...

– Признаться, я и сам тогда ничего не понял. Но многолетний опыт разведывательной работы подсказывал мне, что не все в порядке в Датском королевстве...

– Не томите уже, Билл.

– Звонили из аппарата Гувера. Два часа назад туда явилась некая Элизабет Бентли – хозяйка какой-то торговой судоверфи – и заявила, что много лет работала на советскую разведку.

– И что? Как это связано с Нюрнбергом?

– Напрямую. Она заявила, что ей известно, кто поспособствовал назначению Паркера и Биддла судьями от США...

– Но...

– ...а также известно, что человек этот – тоже советский шпион!

– Вот как?! И кто же?

– Гарри Декстор Уайт!

Информация к размышлению (Гарри Декстор Уайт). Этот малоприметный финансист – типичная канцелярская крыса – пришел на работу в Министерство финансов США в 1934 году, в возрасте 42 лет, когда иные уже достигают если не вершин карьерной лестницы, то, во всяком случае, определенного положения в обществе. Кроме университетской скамьи, преподавательского опыта и тяги к планированию экономических реформ, Уайт не имел ничего. Случайно попал в министерство, где кропотливого и усидчивого парня заметил сам Генри Моргентау, всесильный министр, выходец из старинного рода финансовых аристократов. В 1938 году он, в качестве своеобразного теста на профпригодность, поручил Уайту курировать валютные учреждения в системе Министерства. Тест он прошел – и после Перл-Харбора, в декабре 1941 года, был назначен помощником Моргентау и играл роль посредника между Государственным департаментом и Министерством по вопросам международных отношений. Также на него была возложена ответственность по «управлению и работе Стабилизационного валютного фонда без права изменения рабочих процедур». Впоследствии Уайт стал ответственным за дела межгосударственных отношений в министерстве, где имел доступ к большому количеству конфиденциальной информации о состоянии экономики США и её военных союзников. Так он впервые лицом к лицу встретился с Советским Союзом.

Встреча эта сыграла роковую роль во всей его оставшейся жизни – его завербовали. Вскоре он начал открыто работать на разведку СССР...

Уайт был основным создателем плана Моргентау. Послевоенный план Моргентау, в варианте Уайта, заключался в выводе всей промышленности из Германии, роспуске её вооружённых сил и превращении её в аграрную страну, с устранением из неё большей части немецкой экономики и ослаблением способности противостоять внешней агрессии. Вариант плана, который ставил своей целью превратить Германию в «страну, в основном, земледельцев и пастухов», был подписан президентом США Франклином Делано Рузвельтом и британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем на второй конференции в Квебеке в сентябре 1944 года. Однако работник отдела Уайта с доступом к деталям плана передал его прессе, а Уайт передал копию плана советской разведке. Протесты общественности заставили Рузвельта публично отречься от этих намерений. Нацисты и Йозеф Геббельс очень обрадовались разоблачению, воспользовались планом Моргентау для пропаганды и подъёма боевого духа военных, подавлению критических голосов против войны в Германии, и сорвали возможный сепаратный мир с Западом. Действия Уайта также помогли Советскому Союзу, фактически гаранти-

руя, что нацисты, или их преемники, не будут заключать сепаратный мир с Западом. Понятно, что к тому моменту Уайт был уже завербован «по уши». Чуть позже Уайт, ведомый интересами СССР по полному и окончательному разрушению Германии, все же убедил Моргентау повлиять на окончательную оккупационную политику, в том числе, благодаря оккупационной директиве JCS 1067, которая действовала до лета 1947 года и запрещала любые попытки экономического восстановления в Германии.

Уайт был главным представителем США на конференции в Бреттон Вудсе в 1944 году, и, по показаниям очевидцев, доминировал на конференции и навязал своё видение (а вернее – видение Москвы), несмотря на возражения представителя Британии Джона Мейнарда Кейнса. По завершению войны, Уайт был приближен к процессу создания так называемых Бреттон-Вудских учреждений – Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка. Эти институты должны предотвратить воспроизведение некоторых экономических проблем, которые случились после Первой мировой войны. Понятно, что и на этой должности Уайт поддерживал улучшение отношений с Советским Союзом. Позже, Уайт стал директором и представителем США в МВФ. И там он без конца твердил прессе о том, что главная задача послевоенной дипломатии Соединённых Штатов сводится к тому, чтобы «изобрести средства, способные обеспечить длительный мир и дружественные отношения между Америкой и Россией. Любая другая проблема в сфере международной дипломатии бледнеет перед этой главной задачей».

– А каким образом финансист мог повлиять на утверждение кандидатур судей? – недоуменно посмотрел на босса Даллес.

– Тут тонкое дело. Уайту, как ты понял, поручено разрушение послевоенной Германии в экономическом плане. В комплекс этих мер входит подготовка второго Нюрнбергского процесса. Слышал что-нибудь о таком?

– Слышал, говорили про подготовку процесса над нацистскими экономистами, финансистами, банкирами, промышленниками... Но это после окончания работы Трибунала...

– Точно. Вот это и входило, среди прочего, в его компетенцию. Ну и судей, соответственно, он подобрал раньше, чем оргкомитет Трибунала, занятый больше техническими вопросами, тем более, что делал это отдельно от него. А зачем оргкомитету повторно выполнять работу, которую уже один раз выполнили?

– Тогда все становится на свои места...

– Только интересно, – процедил Донован, – почему мы раньше не обратили на него внимания, если даже его личное дело содержит столь откровенные подробности его благорасположения к Советскому Союзу?

– Это не мы, – отмахнулся Даллес.

– А кто?

Информация к размышлению (Гарри Декстор Уайт, продолжение). 2 сентября 1939, на следующий день после вторжения нацистов в Польшу и менее, чем через две недели после подписания пакта Молотова – Риббентропа, помощник государственного секретаря и советник Президента Рузвельта по внутренней безопасности Адольф Берли встретился, благодаря журналисту Исааку Дон Левайну, с советским агентом-перебежчиком Уиттекером Чемберсом. В сделанных позднее заметках о встрече Левайн перечислил ряд имен, в частности, он записал «мистер Уайт». Заметки Берли о встрече упоминаний об Уайте не содержат. Берли написал меморандум на 4 страницах и передал его Президенту, который отверг идею шпионажа в своём окружении как «абсурдную». Директор ФБР Джон Эдгар Гувер отверг разоблачения Чемберса как «историю, гипотезу или умозаключение» ещё в 1942 году.

– Выходит, Рузвельт умер – не спросишь, а вот прижать Гувера касательно допущенной им оплошности и потребовать срочного ареста Уайта вполне в наших возможностях... – рассуждал вслух Донован.

– Только не ареста, – поправил его Аллен Уэлш. – Спугнем. Надо провести обыск, но тайно. Пока, кроме слов этой Бентли, которые ни подтвердить, ни опровергнуть, скорее всего, никто не сможет, у нас ничего нет. А ничего из ничего не выйдет. Тайный обыск позволит отыскать хоть какие-то следы его сотрудничества с Советами...

18 октября 1945 года, Москва, Кремль

Заместитель наркома внутренних дел по вопросам госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов, в обход существующих норм и правил, минуя свое непосредственное руководство в лице Лаврентия Берии, имел возможность посещать кабинет вождя едва ли не в любое время. С одной стороны, это казалось его окружению признаком большого расположения со стороны Сталина по отношению к чиновнику второго ранга. С другой, как прав был Грибоедов, «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Еще в бытность наркомом государственной безопасности, до слияния ведомств в начале войны, Меркулов на себе ощутил все прелести близости к телу вождя. Помнится, как-то раз Сталин прознал, что в свободное от работы время Меркулов пишет под псевдонимом Всеволод Рокк пьесы, успешно идущие на подмостках столичных театров. Пришел на один спектакль, а после отчитал наркома за столь фривольное увлечение, обратив его внимание на необходимость «шпионов ловить, а не бумагу марать». Это, помнится, было прямо перед войной, в 1940 году. Тогда, разочаровавшись в Меркулове, Сталин послал его в Германию, к Гимmlеру, для повышения квалификации.

По прибытии оттуда Всеволод Николаевич получил шифровку Рихарда Зорге о планах Гитлера напасть на СССР – всерьез, а не ради подъема авторитета вождя. Доложил о ней последнему...

– Что? Кто? Адольф? Войну?!

– Но Иосиф Виссарионович, вы же сами все время говорите, что война между нашими странами очень и очень возможна...

– Ви дурак, товарищ Меркулов, хоть и писатель, и разведчик. Как вас можно держать на такой ответственной должности, когда вы не знаете старого мудрого выражения: "Если хочешь мира – готовься к войне"?! Мы хотим мира, а потому всегда пребываем во всеоружии. Вы же сами вели следствие по делам ряда военных, в том числе и очень высокопоставленных, сами видите, кто они, с кем приходится работать. Бездари и идиоты все, кто не иностранные шпионы. Чтобы заставить их работать по-человечески, все время приходится напоминать о грядущей войне. А с кем еще СССР может воевать, если не с такой сильной державой как Германия? С Монголией, что ли? С Англией и ее дураком Черчиллем? Это Англия движется по Европе как коток, сметая все державы на своем пути?! Или Греция?! Нет, товарищ Меркулов, это Германия и наши дураки, какими бы пустоголовыми они ни были, понимают это. Так чем прикажете их еще пугать? Только Германией, что мы и делаем.

– А как же донесение, товарищ Сталин?

– Кто он такой, этот ваш Зорге? Где вы вообще его выкопали?

– Я...

– Я вам скажу, кто он такой. Он бабник. Спит там в своем Токио со всеми подряд и возмнил себя непонятно кем. Видимо, денег нужно на свои прогулки по ресторанам и гостиницам – а как их из вас выбить, если не таким "сенсационным" донесением?! Наслушался болтунов из Союза, прикинул, что тут говорят, и решил проехаться на сплетнях о скорой войне, которой вся Москва полнится, да и вся Россия. А вы поверили, уши развэсили. Откуда он это узнал,

сидя в Токио, если эта информация относится к стратегической и охраняться должна Генштабом вермахта как зеница ока?!

– От жены военного атташе Германии в Токио, товарищ Сталин.

– Ну вот, от жены. Вы о многом со своей женой беседуете, товарищ Меркулов?

– О многом, товарищ Сталин, – улынулся нарком без задней мысли. Уже секунду спустя он поймет, как поторопился.

– А я вот ни о чем. У меня вообще жены нет. Знаете, почему? Потому что жена – находка для шпиона, как это показал товарищ Зорге. Это значит, что завтра ваша жена переспит с нашим врагом и все, пропали все секреты страны и товарища Сталина. А я от этого гарантирован. И Адольф тоже – у него тоже жены нету. Так, может, и вам стоит?

... Что-то внутри подсказывало Меркулову, что сейчас этот разговор повторится – только последствия для него могут быть уже куда более печальными, чем 5 лет назад.

– Рассекретили? Уайта? Но как?! – вскипел Сталин, услышав от главы разведки столь неприятные новости.

– Да баба одна... Бенгли ее фамилия... Спуталась с нашим резидентом...

– Это с этим безмозглым татаринном?

– Так точно. А он с дочкой секретаря компартии шашни закрутил. Она обиделась и прямиком в ФБР...

– Проститутка! А этот татарин осел! Бичкек адаших тхек! Шени траки шеветси хлео! – по-грузински выругался Сталин. – Немедленно этого козла в Москву отзывай, будем с ним тут разбираться!

– Есть, товарищ Сталин!

Немного успокоившись, вождь продолжал:

– Но это ее слова. А факты где, факты?

– И факты у них есть, товарищ Сталин, – снова огорчил хозяина гость. – У него при обыске нашли клише – те, которые используются при печати оккупационных немецких марок на американской территории Германии. А эти клише он передавал нам – мы с их помощью печатали огромное количество денег, тем самым искусственно создавая инфляцию и скупая там ценности за дешево...

– Ээээ... сволочи, мать вашу... И что ты хочешь сказать? Что теперь будет?

– Ничего особо страшного для Уайта и для нас не будет, но вот судей в Нюрнбергский трибунал, которых с его подачи назначил Трумэн и через которых мы планировали влиять на приговор, они, видимо, сменят теперь...

– А что делать?

– Нам ничего не остается, кроме как начинать процесс. Тогда в силу вступит Устав Трибунала, а он гласит, что с момента его начала судьба несменяема...

– Получается, с покушением на Руденко зря старались?

– Выходит, так. Но делать нечего...

Вождь позеленел, недолго подумал, а затем махнул рукой:

– Ладно, пусть начинают.

– Разрешите идти, товарищ Сталин?

Вождь кивнул. Меркулов дошел уже до дверей кремлевского кабинета, как вдруг неожиданно пришедшая хорошая мысль заставила его остановиться и развернуться. Он взглянул на Сталина, который сидел в кресле недвижно и был чернее тучи.

– Не расстраивайтесь вы так, товарищ Сталин. Не все еще потеряно...

– А, – вождь отмахнулся от слов собеседника как от назойливой мухи.

– У нас еще есть рычаги влияния.

– Какие?

– Во- первых, неверие глав государств союзников в удачный исход процесса – Трумэн послал туда на заклятие своего конкурента на грядущих выборах Джексона, а де Голль давнего оппонента де Ментона. А во- вторых, открывшаяся для нас возможность играть на этих людях как на врагах президентов. Вы ведь сами всегда говорили, что кадры решают все...

Сталин с улыбкой посмотрел на Меркулова. Замнаркома внутренних дел показался ему не таким уж дураком, как раньше. Впервые за 5 лет Сталину подумалось, что обучение у Гиммлера даром не прошло.

Часть вторая, или Судебное следствие. «Мне отмщение, и Аз воздам...»

7. Начнем с конца

1 февраля 1987 года, Лос- Анжелес

Выдержка из протокола судебного заседания по делу об экстрадиции в СССР гражданина США Карла Линнаса, подозреваемого Советским Союзом в военных преступлениях на территории Эстонии в годы войны во время службы его в СС (допрос свидетеля):

«Вопрос. Назовите свое имя и фамилию.

Ответ. Фридрих Незнанский.

Вопрос. Год рождения?

Ответ. 1932.

Вопрос. Род занятий?

Ответ. Публицист, писатель, автор книг «Журналист для Брежнева», «Красная площадь», «Ярмарка в Сокольниках», «Операция «Фауст»» и других.

Вопрос. Мы пригласили вас в качестве свидетеля по делу Карла Линнаса, подозреваемого в военных преступлениях во время его службы в СС во время Второй мировой войны на территории СССР. Вопрос стоит о возможности или целесообразности его выдачи Советскому Союзу для организации суда над ним. Что вы можете пояснить по этому поводу?

Ответ. Я считаю, что выдача Линнаса не только не будет способствовать укреплению законности, но и напротив, повлечет возможное оправдание фашизма!

Вопрос. В СССР? В стране, больше всех пострадавшей от гитлеровцев?

Ответ. С 1954 по 1977 годы я проживал в Советском Союзе и работал на должностях следователя, старшего следователя прокуратуры и адвоката. В 77- ом эмигрировал, воспользовавшись немецким происхождением, на правах репатрианта, в ФРГ. В действительности же поводом для моего отъезда из страны послужила невозможность далее принимать участие в сплошной фальсификации уголовных дел с целью повышения статистических показателей правоохранительных органов и избавления от неугодных власти людей.

Вопрос. Вы сказали, что в СССР сплошь фабрикуются дела. На чем вы основываете столь громкое и резкое утверждение?

Ответ. Сугубо на своем опыте.

Вопрос. На протяжении 20 лет вы только и делали, что фабриковали дела? Реальных преступлений вам раскрывать не доводилось?

Ответ. Конечно же, доводилось. Однако, процент их был равен проценту дел, которые возбуждались по прямому указанию начальства в отсутствие состава преступления. Целью дачи таких указаний было либо вымогательство взятки с привлекаемых к уголовной ответственности лиц, либо расправа с инакомыслящими, либо просто выполнение процентного плана раскрытия тяжких преступлений со стороны руководства правоохранительных органов. С другой стороны, в ряде случаев мне приходилось, опять же по указанию руководства, прекращать производством уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, приближенными к высшим эшелонам власти. В моем производстве были дела о дорожных происшествиях с летальными исходами, которые были на совести видных деятелей культуры страны: компо-

зителя Таривердиева, певцов Кобзона и Зыкиной, космонавта Леонова. Все они были прекращены по приказу сверху.

Вопрос. Вы сказали про какой-то план по уголовным делам. Что это?

Ответ. В СССР статистика в ряде случаев определяет цену работнику системы. Причем, как отрицательная, так и положительная. Чем больше сотрудники прокуратуры раскроют дел о тяжких преступлениях, тем выше будут показатели их работы, и, соответственно, вероятность для них получать премии, повышенные оклады и новые руководящие должности. При этом не имеет значения работа, проводимая по искоренению и предупреждению преступности. Преступники есть, статьи в Уголовном кодексе не декриминализируются, значит, прокуратура должна их ловить. Если их будет мало, невысок будет и процент посаженных под стражу, а значит, невысоки будут показатели статистики таких специалистов. Такие в нашей системе долго не держатся. В то же самое время высшие должностные лица прокуратуры, милиции, отдела административных органов и партийных комитетов, дабы обеспечить себе кресла в высоких кабинетах, а также карьерное продвижение, обязаны регулярно давать начальству крупные взятки. Источником их получения не может быть даже самая высокая зарплата, получаемая, скажем, генералом или полковником. Чтобы эту сумму собрать, необходимо иметь дополнительный и очень солидный источник заработка. Таковым зачастую является взятка, получаемая от нижестоящих работников и от лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по тем самым «директивным» делам, о которых идет речь. Или зарплата – но о какой зарплате идет речь, если невысока статистика? Только о маленькой. А с нее взятку не дать.

Вопрос. Как можно, в отсутствие прямых улик, сфабриковать, как вы выражаетесь, по приказу, уголовное дело в отношении конкретного лица?

Ответ. Улики можно подделать. Причем, в СССР этот механизм одинаково эффективно работает со времен Сталина как в отношении дел политических, так и в отношении бытовых. А что касается дел, в которых на этот шаг власти не идут, то надо сказать следующее. Уголовное законодательство СССР изобилует нечеткими формулировками диспозиций, под которые можно подогнать практически любое, даже правомерное, на вид, действие. Такой статьей при Сталине была 58-я – «Измена Родине». Переход государственной границы, кража с военного склада ботинок и даже анекдот про вождя одинаково считались таким преступлением и могли повлечь смертную казнь. Сейчас одной из таких статей является 88-я – «Хищение социалистической собственности». Под ней сейчас понимается практически все, кроме перехода дороги в неполюженном месте. Помимо прямых краж, под этот состав заталкивается, скажем, недоказанная взятка. По советскому законодательству, чтобы осудить человека за взятку, его надо поймать в прямом смысле слова за руку при ее получении. Если нет – это не взятка, даже если десяток свидетелей покажут на лицо как на коррупционера, а сам он не сможет найти объяснения появлению у него в кармане кругленькой суммы. Однако, в таком случае ее можно квалифицировать как хищение социалистической собственности. Ты ведь обогатился, налог не уплатил, источник происхождения денежных средств не прояснил, не принадлежащие тебе средства не сдал, а значит, не сдал «неучтенку» государству, лишил его дохода. Например, нашумевшее несколько лет назад дело заведующего московским гастрономом № 1 Соколова. Его обвинили во взятках. Но по ним приговор – 10 лет. Его же надо было расстрелять, чтобы поднять столичному главку КГБ показатели борьбы с экономической преступностью и скомпрометировать оппонента Андропова в борьбе за кресло Генсека – Виктора Гришина, чьим протеже был Соколов. Тогда решено было «пришить» ему 88-ю. Как? Очень просто. Взятки-то он давал не из зарплаты. А откуда? Из излишков, которые приобретал, делая экономию товаров и продуктов в своем магазине. Не воровал у государства напрямую, но излишки-то не сдавал в установленном порядке. Значит, расхищал. Значит, расстрел. Или другой пример. За валютные махинации дают 5-7 лет колонии строгого режима. А, если надо расстрелять человека, опять же, чтобы запугать других или поднять статистику или просто угодить Ген-

секу? Пишешь в обвинительном заключении, что такой- то при покупке или продаже валюты не уплатил налог с валютных операций – и он уже ходит под совсем другой статьей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.